
ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Готовя книгу русского дипломата и путешественника Г. А. Де-Воллана к изданию, мы должны были совершить непростой выбор: печатать ее целиком — или адаптировать к потребностям и запросам современного читателя? Мы пошли по второму пути. Прежде всего это коснулось сокращений. Критерий был один: сохранить все интересное, необычное, все, на чем сохранилась печать личных наблюдений и оценок автора, — и пожертвовать случайным, проходным. Вот почему из первоисточника были убраны подробные описания климата (который, кстати, за 120 лет сильно изменился) и рельефа (который, напротив, остался тем же). По той же причине были удалены либо значительно сокращены обстоятельные экскурсы в легендарную историю Японии, ее мифологию и религиозную историю — не только потому, что сегодня это не найдет живого отклика у большинства читателей, но и потому, что за минувшие десятилетия история, ориенталистика и религиоведение оставили далеко позади добросовестный для своего времени дайджест Де-Воллана на эти темы. По той же причине подверглись сокращению и его языковедческие штудии: при всей начитанности, при всей образованности автора знания его в области китайского и японского языков были не слишком глубоки. Мы решили также не утомлять современного читателя статистическими выкладками: какими (разведанными на момент написания книги) полезными ископаемыми обладала Япония, где сколько чего добывалось и производилось, сколько, куда и почему продавалось и т. п.

При этом текст первоисточника редактировался лишь в самой необходимой степени. Прежде всего это коснулось написания имен собственных, географических названий, наименования исторических реалий и т. п.: они были в основном приведены к современной норме*. В то же время редакция сделала все возможное, чтобы сохранить сам дух произведения, обаятельный стиль его автора, аромат эпохи. Мы старались избежать неуместной и неоправданной модернизации текста, сберечь своеобразие авторской лексики — там, где это не затрудняло восприятия текста.

Однако именно благодаря сокращениям, которым подверглась книга, нам удалось выкроить место для потрясающего приложения — для выдержек из увлекательнейших мемуаров Де-Воллана, которые он печатал в последние годы жизни. Читаются они с не меньшим интересом, чем «В Стране восходящего солнца».

«Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье», — сказал поэт. Взглянем же на Страну восходящего солнца с расстояния многих тысяч километров и почти ста пятидесяти лет.

* К исключениям следует отнести, например, некоторые названия с дефисом. Кроме того, в ряде (сомнительных) случаев имя собственное сохранялось в написании Де-Воллана, но снабжалось сноской с предположительной атрибуцией. Большую сложность составляла проблема транслитерации: Де-Воллан не придерживался нормы (которая, собственно, к тому времени еще и не сложилась). Не следил он и за единообразием: один и тот же термин встречается у него иногда в двух, а то и в трех написаниях. В качестве примера приведем «чокван-куайдзи» (написание Де-Воллана), соответствующее принятому ныне «тихокан кайги»; в поиске этого соответствия нам встречались не менее своеобразные написания (например, «чикогванквайджи» в издании: Г. Квигли. Правительство и политическая жизнь Японии. М., 1934). (Здесь и далее, если не указано иное, — примеч. редакции.)

СОДЕРЖАНИЕ

На службе России. Предисловие

- 10 *Знаменитые предки и семья. Начало карьеры. Сербско-турецкая война. Славянский комитет. Назначение в Японию. Дипломатическая миссия в Вашингтоне. Литературные пробы. Посольство в Мексике.*

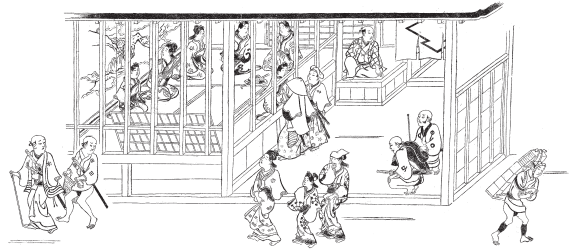
В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Исторический очерк

- Начало японской истории. Буддизм. Феодалные кланы. Войны за власть. Тайфуны и ураганы. Микадо и главные семейства. Первые европейцы в Японии. Герои и воины. Власть сёгуната. Замкнутость страны. Реставрация императорской власти. Реставрация Мэйдзи. Парламент. Конституция. Реформы.* 31

Личные впечатления

- 70 *Первый день в Японии. Простота японского быта и необычность костюма. Бытовые привычки, которые удивляют европейцев в Японии. Императорская столица. Дворцы. Сёгунские замки. Европейский селтльмент. Посольства. Жизнь японских улиц. Великосветская жизнь. Новый год. Пожары. Японские компании. День поминовения. Аины. Обед по старинному церемониалу. Фукусима. Простота нравов. Мужчины и женщины — борцы сумо. Паломники. Восхождение на Фудзияму. Русское консульство и русская деревня. Квартал куртизанок. Остров, из которого изгнана смерть. Положение женщин. Брак, усыновление, развод. Хакарири (сэппуку). Обычаи японцев.*

Культура и искусство

Язык и письменность. Образование. Пресса. Романы и народная литература. 183
 Происхождение японского театра. Драматические искусства. Знаменитые актеры.
 Изобразительное искусство. Архитектура. Декоративно-прикладное искусство.

Законы древние и новые

213 Императорский период. Законодательный памятник «Тайхо рицурё». Наказания за несоблюдение законов. Микадо и сёгуны. Феодалный период. Даймё и их классы. Охрана императорского дворца. Самураи и ронины. Законы отдельных местностей. Реставрация. Мстители за поруганные святыни. Первый японский парламент.

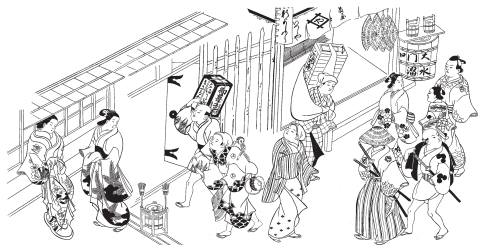
Экономическое и финансовое положение Японии

Промышленность и торговля. Банки и акционерные корпорации. Железные дороги. 245
 Торговый флот. Финансы. Армия и флот — главные статьи расходов. Дефицит бюджета. Государственный долг. Налоги.

Внутренняя и внешняя политика

249 Главные деятели Реформации Мэйдзи. Государственные соглашения с Россией, Германией и Соединенными Штатами. Многочисленные японские партии. Консерваторы и либералы. Нелюбовь к иностранцам. Заимствования из Европы. Честолюбивые военные планы относительно Кореи и Китая. Военные и дипломатические победы Японии. Отношение к России со времен открытия Японии. Причины войны с Россией.

Итоги

Причины успехов Японии. Сложные отношения с иностранными державами. 274
 Предубеждение против иностранцев.

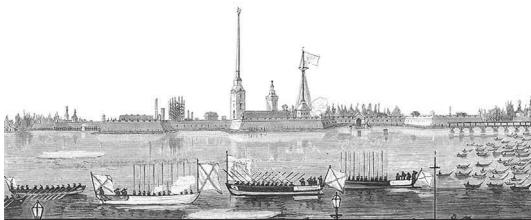
ПРИЛОЖЕНИЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛОГО

Университет

279

Поступление на юридический факультет Московского университета. Занятия основные и по желанию. Студенческие собрания и знакомства. Аресты студентов.

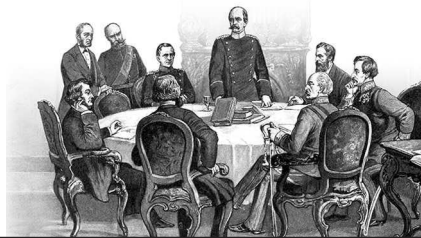

Москва.— Петербург.— Ялта

Мой семестр в Лейпциге. Славянский комитет. Первые литературные труды. Споры об эмансипации женщин. Нелюбовь москвичей к немцам.

286

Азиатский департамент

290

Мое поступление на службу в Министерство иностранных дел. Азиатский департамент при Стремоухове — ось российской внешней политики.

Будапешт

Командировка в Будапешт. Неудачная позиция российского посланника в отношении славян. Блестящие венгерские аристократы. Угорская Русь. Моя славянская мечта. Почему венгры не любят ни русских, ни немцев.

296

Снова в Петербурге

314

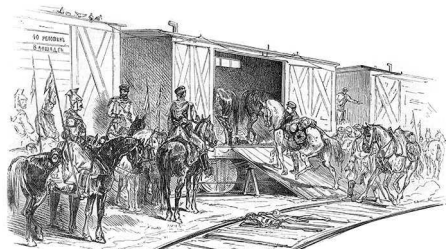

*Неприятие славянской идеи в Петербурге.
Ионин. Шаховские. Гартвиг. Булацель.*

Сербско-турецкая война

Первый бурный порыв в российском обществе. Торжественные проводы добровольцев и сбор пожертвований. Раскол в дипломатических кругах. Кладово. Снаряжение добровольцев. Черняев. Болгарское дело. Отношение сербов. События в Белграде. 324

Русско-турецкая война

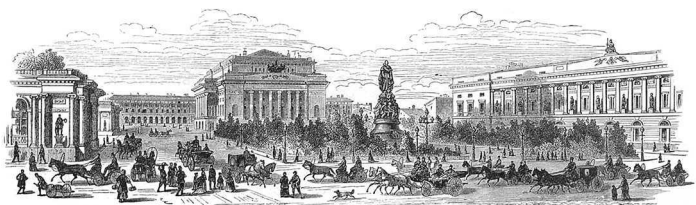
371

Пессимизм и оптимизм. Является ли Турция достойным противником России? Общя воинская повинность. Недовольство нашими неудачами.

Поездка в Боснию и Герцеговину в 1878 году

Деятельность Славянского общества. Нигде не найдете такого незнания России, как между славянами. Жизнь в Рагузе. Новая Черногория. Положение женщин в Черногории и в Албании. Недовольство Сан-Стефанским договором. 375

Годы 1878—1884

384

На распутье незнания. Постоянные угрозы терактов. Взрыв в Зимнем дворце. Критика прессы. Общество ждет сильных ощущений. Ловля на социалистов. Ужасы произвола властей. Полицейский сыск. Канцлер Горчаков. Знамение времени в Петербурге. Убийство Судейкина. Распри в правительстве.

НА СЛУЖБЕ РОССИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех Де-Волланов более других известно имя крупнейшего фортификатора и гидротехника конца XVIII — начала XIX в. Франсуа-Пауля Деволлана (де Волланта). Родился будущий российский министр путей сообщения в 1752 г. в Антверпене в семье полковника голландской армии брабантского* дворянина. В молодости жил в голландских поселениях в Северной Америке, участвовал в боях с англичанами в ходе Американской революции, под пулями изучая фортификационную премудрость.

В марте 1786 г. вышел в отставку. Но без дела не засиделся: в октябре 1787 г. поступил на русскую службу инженер-майором. Как и. о. первого инженера армии участвовал в главных сражениях Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. По приказанию Екатерины II в 1794 г. в недавно отнятой у турок крепости Гаджибей было велено устроить военную гавань с купеческой пристанью. Планы города и гавани составил Деволлан и он же руководил строительством. К 1796 г. работы были окончены, город был назван Одессой.

Вскоре Ф. Деволлан переехал в Санкт-Петербург и в 1799 г. был назначен во вновь созданный Департамент водных коммуникаций. В 1800—1810 гг. руководил грандиозными гидротехническими работами по созданию крупнейшей в Европе Мариинской водной системы, связавшей Петербург с Волгой и Белым морем.

В 1812 г. Деволлан возглавил Главное управление путей сообщения Российской империи. С 1816 г. проектировал и руководил строительством дороги европейского типа — насыпного каменного шоссе между Москвой и Петербургом. Умер он в 1818 г. в С.-Петербурге 66 лет от роду.

Таким образом, в отличие от первых иностранных гидротехников**, Франц Павлович Деволлан сделал на русской службе блистательную карьеру. Он не просто оставил по себе значительные постройки — он до известной степени перестроил европейскую часть своей второй родины. Словно в благодарность за это время пощадило даже его могилу***.

* *Брабант* — историческая область, провинция Нидерландов.

** Их драматические судьбы мастерски воссозданы А. Платоновым в повести «Епифанские шлюзы» и К. Паустовским в «Судьбе Шарля Лонсевилья».

*** В С.-Петербурге на Волковском лютеранском кладбище.

В 1802 г. Франц Деволлан женился на дочери инженер-генерала Якова де Витте Марии Элизабет, от брака с которой в 1807 г. родился сын Александр. В отличие от отца он большой карьеры не сделал. В 1846 г. женится на дочери донского казачьего генерала, фрейлине двора его императорского величества Елизавете Григорьевне Иловайской (1826—1858). В 1847 г. у них родился сын Григорий — автор и главный герой нашей книги, а в 1850 г. — дочь Ольга.

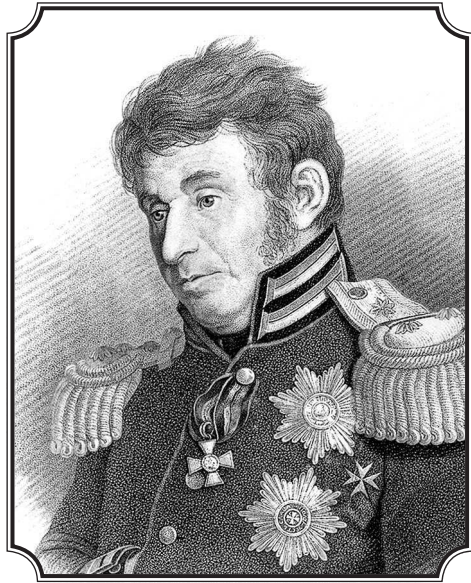
На этом мы заканчиваем предысторию Григория Александровича Де-Воллана* и приступаем к истории. Сначала — о грустном.

В 1858 г. не стало его молодой (32 года) матери. Осиротевший в 11 лет мальчик воспитывался сначала в пансионе Пернера при 2-й С.-Петербургской гимназии, а в 4-м классе его перевезли в Гейдельберг в пансион Гофмана. Там же в 16 лет (1863) он слушал лекции в местном университете, после чего вернулся в Россию и в 1864 г. поступил на юридический факультет Московского университета.

Чего только не изучали тогдашние первокурсники юрфака! Богословие, русскую и отдельно всеобщую историю, статистику, энциклопедию права, латинский язык. На втором курсе к этому прибавлялись полицейское (общественное) право, история римского права, история русского законодательства, государственное право, история философии права, политическая экономия... И словно этого было ему мало, юный Григорий Де-Воллан находил время для занятий санскритом (!), химией, геологией и переводами Гомера.

На занятиях санскритом он и подружился с будущим крупным языковедом В. Ф. Миллером, заинтересовался русским фольклором и историческими судьбами славянства. А также — делом просвещения народа. Составился даже студенческий полуполегалный кружок со своим уставом и программой. При этом участники кружка «на всякий случай» пытались соблюдать какое-то подобие конспирации, что плохо вязалось с их намерением читать публичные лекции фабричным рабочим. Единственным последствием этой затеи стало внимание полиции, которое обрело совершенно практические формы после покушения Каракозова**.

Перед Пасхой 1866 г. Де-Воллан уехал к отцу и сестре в имение Сухое в Валдайском уезде***. А по возвращении попал в водоворот расследований, страшно

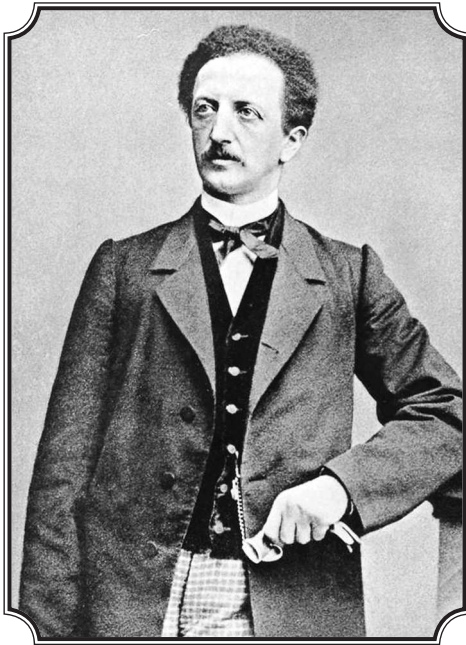

Г. Г. Янов.
Франц Павлович де Воллан.
Литография. 1817 г.

* Фамилию Де-Воллана мы приводим в том написании, которого придерживался сам Григорий Александрович.

** 4 (16) апреля 1866 г.

*** Сухое находилось в Сопкинской волости Валдайского уезда Новгородской губернии. Его в 1832 г. купил отец Де-Воллана Александр Францевич. Там он в 1871 г. и умер, а имение завещал дочери — 21-летней Ольге, младшей сестре Григория. В 1875 г. она вышла замуж за предводителя дворянства Валдайского уезда А. Ф. Кршивицкого, в 1913 г. овдовела. В 1919 г. по решению уездного исполкома ее из дома выгнали; остаток жизни (умерла она в 1926-м или, по другим сведениям, в 1930-х гг.) Ольга Александровна прожила у своей бывшей кухарки. Усадьбу народная власть разорила, ее содержимое (библиотеку, архив, портреты предков) уничтожила.

Фердинанд Лассаль.
Фотография. 1860 г.

Фердинанд Лассаль (1825—1864) — блестящий политический оратор и публицист, основатель (1863) и президент Всеобщего германского рабочего союза. По мнению ряда современников — честолюбивый хамелеон, использовавший социал-демократическое движение ради карьеры. К. Маркс и Ф. Энгельс ценили его как замечательного тактика. «Именно Лассаль положил начало той “реальной” политике, при которой на первый план выдвигаются наиболее близкие и легко достижимые цели, а вопросы тактики объявляются независимыми от партийных принципов, следовательно сверхгибкими, ценность которых определяется исключительно их непосредственной результативностью» (Н. Федоровский. К вопросу о классовой сущности лассальянства // История социалистических учений. М., 1986. С. 73).

карьерой — решил поступить в МИД. Со второй попытки это удалось. 23 января 1873 г. Де-Воллан подал прошение на высочайшее имя: «Желая поступить на службу вашего императорского величества в Азиатский департамент Министерства ино-

напугавший его отца. Впрочем, все обошлось без последствий: абсолютная невинность и наивность 19-летнего юноши бросались в глаза.

В 1867 г. «по болезни» он оставил Московский университет и перебрался в Лейпцигский, где подпал под влияние лассальянства (прежде всего — под власть харизмы самого Ф. Лассалья), что нашло свое отражение в написанном в конце десятилетия романе «Отто фон Нейзан». После двух семестров в Лейпциге Де-Воллан путешествует по Голландии, Бельгии, Франции, Италии. Поездка эта имела и практическую пользу: в ее ходе он собрал материал для диссертации, которую защитил по возвращении в Россию в новом, только что открытом (на базе Ришельевского лицея) Новороссийском университете в Одессе. Сдав 16 экзаменов и представив реферат «Предшественники Адама Смита в Италии»*, Де-Воллан 23 декабря 1869 г. был утвержден советом университета в степени кандидата юридических наук, а 5 января 1870 г. получил о том свидетельство. После чего совершил поездку в Константинополь и Грецию.

В 1871 г. четыре месяца прожил в Ялте, работая над романом «Сытые и голодные»**. Возможно, тогда же купил в Ялте 2 десятины земли для постройки дачи***. В том же году на пароходе, следовавшем из Ялты в Таганрог, познакомился с художником И. К. Айвазовским, о чем оставил воспоминания. Навестив свое поместье в селе Воздвиженке Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, к концу года Де-Воллан приехал в Москву.

В 1871 г. он вступил в Петербургское славянское общество (комитет). А через год определился наконец и с будущей

* Опубликован через 10 лет в журнале «Юридический вестник» (1879, № 2, с. 292—336).

** Не опубликован, рукопись не сохранилась — как рукописи и двух других его романов: «Брожение» и «Планы Юрия Гарденина».

*** Строительство по проекту модного в то время в Ялте архитектора Г. Ф. Шрейбера затянулось на годы.

странных дел...» и т. д. Просьба была удовлетворена — и уже в мае его назначили секретарем русского консульства в Пеште.

Здесь проявился общественный темперамент и славянофильские интересы Де-Воллана. Он посетил северо-восток Венгрии, интересуясь в первую очередь закарпатскими русинами, которых называл угро-руссами. (Из этих его поездок впоследствии сложился «Сборник угро-русских песен».) Наладил связи с местной интеллигенцией из славян, которых, как он неустанно подчеркивал, угнетали венгры*, вторая титульная нация Австро-Венгрии. Конечно, он не мог обещать местным славянам поддержку со стороны империи Российской (на это у него не было полномочий), но, несомненно, своей заинтересованностью поддерживал их морально и вселял, возможно, преувеличенные надежды.

На эту его самодеятельность начальство смотрело косо: славяне славянами, но мятежные настроения в «дружественной» Австро-Венгрии Россия поддерживать не спешила. В правительственных кругах еще жива была память о подавлении Петербургом рука об руку с Венной Венгерской революции 1848—1849 гг. Национальные меньшинства, добываясь больших прав (вплоть до автономии, а там, глядишь, и независимости), объективно играли роль дестабилизирующего, антиимперского, антимонархического фактора, что никак не могло вызвать сочувствия в Петербурге**. Пришлось Де-Воллану ограничиться печатанием в местной газете упомянутого выше романа «Отто фон Нейзан»***.

Инициатива наказуема. Мы не знаем конкретных обстоятельств, при которых Де-Воллан был в 1874 г. отозван из Будапешта, но вряд ли ошибемся, если предположим, что это было связано с его самодеятельной активностью в среде венгерских славян.

По возвращении из Венгрии он около года числился при министерстве в ожидании вакансии. Покинув столицу, сначала посетил свою усадьбу в Воздвиженке, а оттуда отправился к сестре в Сухое. Наконец в сентябре 1875 г. был назначен делопроизводителем VIII класса.

В это время его дальнейшая карьера, а стало быть, и биография могли сложиться так, что мы бы не имели той замечательной книги, которую ныне переиздаем. Де-Воллан едва не уехал в одно из консульств в США, но судьба распорядилась иначе.

Как сказано выше, с начала 1870-х гг. он состоял членом Петербургского славянского общества (комитета). После начала Сербско-турецкой войны Де-Воллан испросил отпуск в министерстве и как уполномоченный Славянского комитета отбыл в сербскую армию, которой командовал русский генерал Черняев.

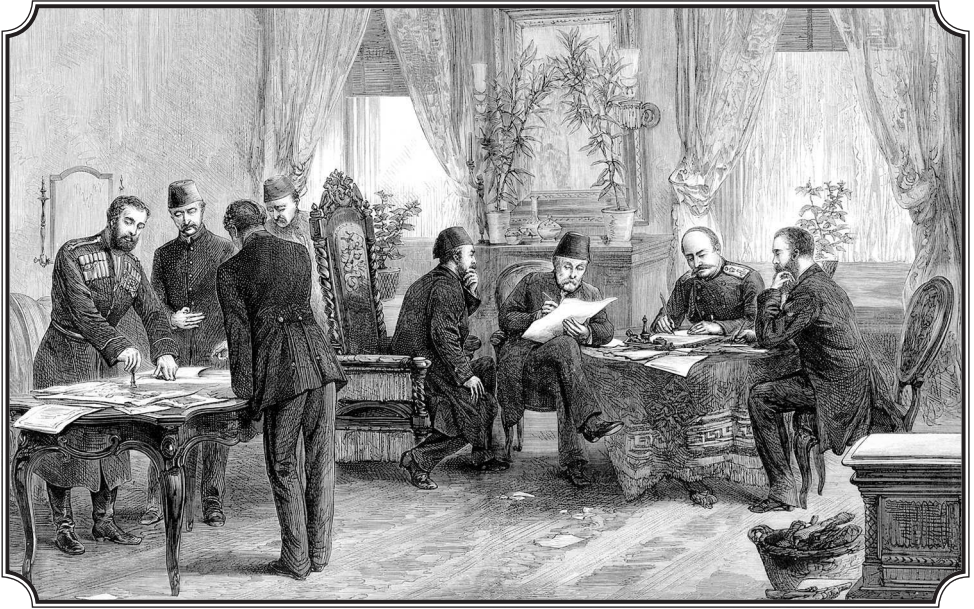
Едва ли не основной ударной силой армии были русские добровольцы: отпущники-офицеры, разорившиеся помещики, энтузиасты-славянофилы, а также лица, имевшие причины покинуть территорию России. Яркие зарисовки этих типов читатель найдет в мемуарах Де-Воллана в конце книги.

Однако за все приходится платить. Самовольная отлучка Де-Воллана в Сербию вызвала в министерстве реакцию еще более резкую, чем его разъезды по Венгрии в 1873—1874 гг.: он был отрешен от должности и почти на семь лет (до 1883 г.) переведен, если так можно выразиться, в запас: назначен «состоять при министерстве».

* См., например, его брошюру «Мадьяры и национальная борьба в Венгрии» (СПб., 1877).

** К. Леонтьев в 1888 г. в статье «Плоды национальных движений на православном Востоке» писал: «При императоре Николае I правительство русское славянской эмансипации и славянскому объединению не потворствовало. У себя строго монархическое и дворянское, оно не желало расшатывать этим потворством и охранительную, чисто государственную, ничуть не племенную Австрию» (Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб., 2007. С. 585).

*** Напечатан в 1873 г. под псевдонимом *Тюр Джан* в угро-русской газете «Карпат» в Пеште.

Подписание мирного трактата между Россией и Турцией 19 февраля в Сан-Стефано.
С российской стороны договор подписали бывший русский посол в Константинополе граф Николай Игнатьев и начальник дипломатической канцелярии главнокомандующего русской армии на Балканах и будущий посол А. И. Нелидов. С турецкой — министр иностранных дел Савфет паша и посол в Германии Саадуллах-паша.
Гравюра. 1878 г.

Сербо-турецкая война (июнь 1876 — февраль 1877) — составная часть серии вооруженных конфликтов, начавшихся с восстания в августе 1875 г. в Боснийско-Герцеговинском вилайете, к которому в апреле 1876 г. присоединилась Болгария, а затем и Сербия.

Официально Россия в эту войну не вмешивалась: еще свежи были воспоминания о геополитической инициативе 1853 г. по «освобождению братьев-славян», которая началась с победоносного похода на турецкую территорию, а окончилась поражением в Крымской войне и вынужденным освобождением собственных крепостных. К. Леонтьев в цитированной статье писал: «Война

53-го года возгорелась не из-за политической свободы единоплеменников наших, а из-за требований преобладания самой России в пределах Турции. Наше покровительство гораздо более, чем их свобода, — вот что имелось в виду! Сам государь считал себя вправе подчинить себе султана, как монарха Монарху, а потом уже, по своему усмотрению (по усмотрению России как великой Православной Державы), сделать для единоверцев то, что заблагорассудится нам, а не то, что они пожелают для себя сами. Вот разница — весьма, кажется, важная. Наши права, права государя, права России имелись тогда в виду гораздо более, чем права самих крещеных подданных султана» (Там же. С. 587).

Однако благодаря финансовой независимости он мог себе позволить не ждать у моря погоды, а заняться любимым делом: посвятить себя «славянскому вопросу».

В апреле 1877 г. Россия объявила Турции войну. Де-Воллан отреагировал на это незамедлительно — в присущем ему стиле:

«Я записался в ополчение. Хочу приготовиться к экзамену на офицера. Иначе не стоит идти. Журнал “Земство”, затеянный мной, не пойдет. Григорьев сказал: “Правительство не может допустить центрального органа для земства”»*.

* «Русская старина», 1916, № 6.

В том же месяце был напечатан очерк Де-Воллана «Сербский вопрос перед судом русского общества», в котором автор, в частности, отмечал:

«Отрезвившись от прежнего одушевления, салонные политики могут высказывать пошлые замечания: “Сербы надоели, вообще пора заняться другим, более интересным вопросом”. Но историческому народу не подобает такое легкомысленное отношение к делу, в котором он принимал такое деятельное участие»*.

А в начале сентября** отдельной брошюрой была издана его работа «Мадьяры и национальный вопрос в Венгрии». В январе 1878 г. в «Русском архиве» (№ 1, с. 235—250), а затем и отдельным изданием опубликована «Угорская Русь» Де-Воллана. Во всех этих работах «помимо исторических экскурсов давалась утопическая перспектива “славянской цивилизации”, возникающей на основе федерации славянских народов»***.

В это же время как уполномоченный от Московского славянского общества Де-Воллан ездил в Черногорию. В мемуарах он приводит подписанное И. Аксаковым обстоятельное письмо-инструкцию к нему от 18 февраля 1878 г. Главная цель его командировки — инспекция доставки и распределения русской благотворительной помощи.

На следующий день, 19 февраля (3 марта) в пригороде Стамбула был подписан мирный (Сан-Стефанский) договор между Россией и Турцией. По его условиям Сербия, Черногория и Румыния получали независимость, Босния и Герцеговина — автономию; было создано новое государство — княжество Болгария; Турция передавала России ряд территорий в устье Дуная и в Закавказье****.

Под впечатлением этой русской дипломатической победы безработный чиновник МИД и посланник Московского славянского благотворительного общества Г. А. Де-Воллан отбыл в Европу.

Первые впечатления его были неутешительны для «славянского дела». Он увидел, что у русинских (галицких) студентов в Вене нет даже русских газет. Не менее огорчило его и отношение братских славянских народов к России:

«Нигде вы не найдете такого незнания России, как между славянами. Они знают Россию меньше, чем англичане, немцы, французы».

Более же всего впечатлило Де-Воллана безудержное разворовывание присылаемой из России гуманитарной помощи*****. Командировка заняла два месяца.

«В мае 1878 г. я вернулся в Россию и прямо в деревню, в Екатеринославскую губернию. После поездки в Черногорию, Далмацию и возвращения через Болгарию в Россию (все это было между Сан-Стефанским миром и до Берлинского конгресса) я уже не жил потом в Петербурге»*****.

Политической публицистикой писательство Де-Воллана не ограничивалось: не гнушался он и мелкой журналистской работы, в частности — библиографических обзоров и рецензий. Так, в 1879 г. встречаем несколько его заметок в «Критическом обозрении». И все-таки главное оставалось главным: Де-Воллан не оставлял усилий по публикации сборника фольклорных текстов, собранных им во время

* «Древняя и новая Россия», 1877, № 5, с. 68. Два года спустя, после поездки в Черногорию, Де-Воллан вернулся к сербской теме в большом очерке «Недавняя старина» (см.: «Русский архив», 1879, № 7, с. 339—376). С дополнениями он вошел впоследствии в его мемуары «Очерки прошлого», извлечения из которых мы публикуем в настоящем издании.

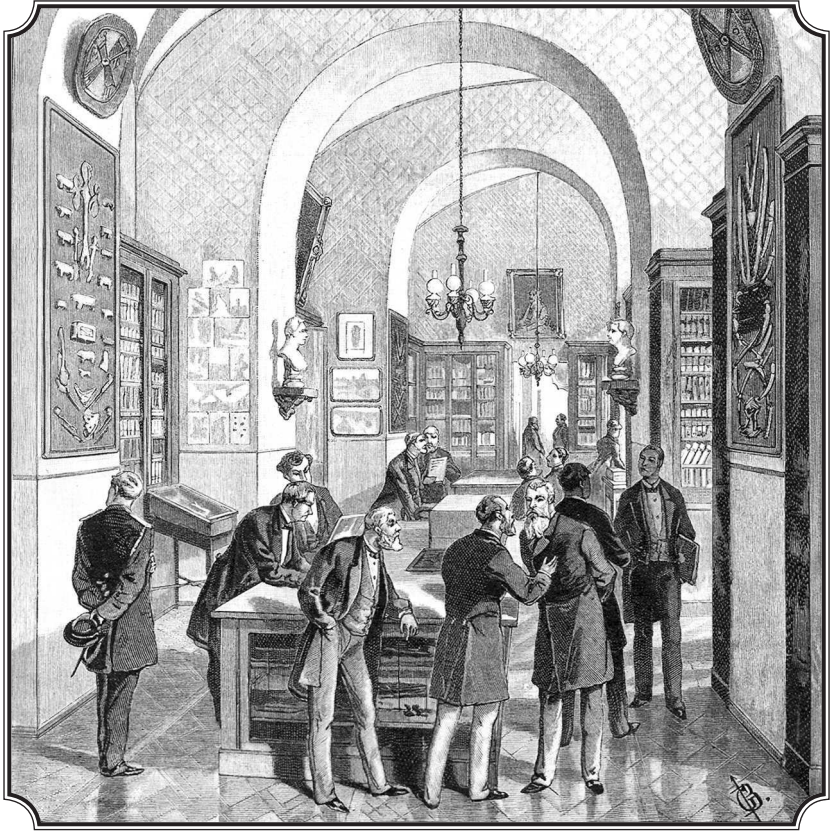
** Цензурное разрешение 27 августа 1877 г.

*** См.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 92.

**** Уже в июне на Берлинском конгрессе часть этих договоренностей была аннулирована.

***** См. подробнее в печатаемых в настоящем издании выдержках из мемуаров Де-Воллана.

***** Г. Де-Воллан. Очерки прошлого // «Голос минувшего», 1914, № 4.

Императорское русское географическое общество в Санкт-Петербурге. Входной зал.
Гравюра. Конец XIX в.

этнографических поездок в галицко-угорское пограничье в 1873—1874 гг. Усилия эти долго не приносили плодов, хотя в славянофильских кругах о них знали. Вот что писала пресса в 1879 г.:

«Санкт-Петербургские Ведомости» (№ 232) заинтересовались судьбой этого сборника и печатно запросили, что случилось с этим сборником? На этот запрос откликнулся г-н Де-Воллан и в № 256 той же газеты заявил, что «материалы и песни об Угорской Руси переданы мной уже давно в издательскую комиссию Славянского благотворительного общества. Там они пролежали три года, до упразднения издательской комиссии, и затем перешли с той же целью в Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, которое, продержав их целый год, отказалось напечатать их за неимением средств. После этих скитаний песни будут напечатаны отдельно и независимо от всяких издательских комиссий»*.

Однако сборник в то время напечатан не был.

Большую часть 1879—1880 гг. Де-Воллан провел в Москве, о чем оставил в мемуарах несколько ярких зарисовок, в том числе живых описаний общения с известными деятелями своего времени — как прежними друзьями, так и новыми знакомыми: В. Ф. и О. Ф. Миллерами, И. С. Аксаковым, Г. И. Успенским, Ф. М. Достоевским, М. М. Ковалевским, А. Н. Пыпиным, Л. Н. Майковым и др. После воз-

* «Древняя и новая Россия». 1879. Т. 15. № 11. С. 363—364. Рубрика «Областная печать и современная летопись».

вращения в деревню поддерживал с ними переписку. В 1880 г. он был утвержден действительным членом Русского географического общества.

Вероятно, в это время пошатнулось финансовое положение Де-Воллана: он вынужден был продать землю в Крыму*. 5 февраля 1881 г. в письме из Ялты к Де-Воллану об этом упоминает А. С. Суворин:

«Так вот Вы какой богатый. Дворцы в Ялте имеете чуть не из мрамора. Позавидовал я этим дворцам и думал себе: “Напишу ему, чтобы высказать свое удивление и удовольствие”. Очень кусается Ваше предложение и купила у меня такого нет».

Дело с продажей, видимо, затянулось. Полтора года спустя, 27 августа 1882 г. тот же Суворин снова писал из Ялты:

«Из Ваших мест пишу Вам, многоуважаемый Григорий Александрович. Видел я Вашу дачу и живу возле нее — на даче Мейера. Говорил с Вашей няней и согласен с ней на Ваш счет: “Его Бог наказывает за непослушание родителям”, — говорит она. В самом деле, вздумали Вы строить дворец, ухлопали массу денег, и стоит он свидетелем Вашего увлечения. Я ходил по этому кандидату в руины и думал, что все это было бы хорошо, если б было поближе к морю и повыше. Следовало строить на холме, а не внизу его. Теперь море видно только из 2-го этажа, и то до тех пор, пока Витмар, купивший у Вас участок, не построит какого-нибудь нужника и им не заслонит Вам совсем вида на море. Здесь говорят, что он потому и купил участок этот, чтобы застроить Вашу дачу, заслонить ее, обесценить этим, и купить потом. Ловкий он человек. Вообще тут хорошо строиться ловким людям. Ваш архитектор Шрейбер построил себе здесь очень хороший дом. А у Вас и деньги были, да ничего не сделали».

В 1881 г. в Берлине Де-Воллан напечатал большую (174 с.) брошюру «Свободное слово о современном положении России». В России она была официально запрещена, но достать ее было можно. Автор живо интересовался впечатлением, которое она произвела на современников, чьим мнением он дорожил. Однако даже те, у кого до нее доходили руки, отзывались о ней скептически**; в целом же, особенно учитывая, что в Россию попали считанные ее экземпляры, брошюра прошла незамеченной, как и большинство его работ, «за исключением актуальных корреспонденций в “Новом времени” из Вены, Далмации, Черногории (март—апрель 1878)»***.

Позволим себе заметить, что в скептическом отношении современников к политической (точнее — культурно-исторической) публицистике Де-Воллана проявился известный снобизм, профессиональное высокомерие специалистов к любителю, «аматёру». Между тем при всех их слабостях и недоработках в текстах Де-Воллана можно встретить весьма острые наблюдения; в пронизательности ему отказать было нельзя:

«Искренняя, честнейшая молодежь, желая правды, пошла была к народу, чтобы облегчить его муки. И что же? Народ ее прогоняет от себя и не признает ее честных усилий, потому что эта молодежь принимает народ не за то, что народ есть,

* У современного исследователя читаем: «В 1880—1883 гг. у Де-Воллана возникают серьезные финансовые затруднения. Девяти кредиторам, в том числе и родственникам, он задолжал свыше 60 тыс. рублей (РГИА. Ф. 1101). Очевидно, с целью поправить финансовое положение он продает в Ялте и Севастополе земельные участки под строительство дач» // «Потомки Франца Павловича Де-Воллана» (источник: электронный ресурс «Одесса для всех» https://odessakraeved.blogspot.com/2017/06/blog-post_15.html?view=magazine).

** См. в частном письме О. Ф. Миллера к Де-Воллану: «Может быть, напишу о Вашей брошюре и отдельно. Простите, но она мне показалась микстурой из земского собора и конституции» («Голос минувшего», 1914, № 4, с. 147).

*** Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 92.

Медаль Императорского русского географического общества «За полезные труды».
Диаметр — 37 мм, вес — 31,2 гр. Серебро

ненавидит его, презирает его основы и несет ему лекарства, на его взгляд дикие и бессмысленные.

Эти люди сознали свое бессилие и разочаровались в возможности улучшения народного быта посредством разрозненных единичных усилий. Раздраженное до страсти желание быть полезным народу и личная несостоятельность исключали друг друга, самоуничтожались в борьбе и вызывали нравственное терзание, у многих переходившее в помешательство...

Русское общество и грезит и бредит конституцией, как ребенок накануне сочельника о елке: вот отворят дверь и родители скажут: «Ты был паинька, вот тебе елка в подарок». Что-то детское, наивное сказывается в этом неудержимом желании. Когда московское дворянство просило о даровании конституционного права русскому народу, один француз высказал очень метко: «*On ne demande pas une constitution, on la prend*»*. Русская интеллигенция, стремясь к конституционным формам, чувствует себя в положении офицера без солдат**...

Холодный прием, однако, не остужал Де-Воллана: он продолжает много работать, в том числе и над беллетристическими произведениями, и спрашивает о них отзывы — прежде всего о долго и трудно писавшемся в те годы романе «Полная чаша. Из семейной хроники Ногайцевых». В конце 1870-х — начале 1880-х гг. эта тема постоянно присутствует в его переписке с Г. И. Успенским, А. Н. Пыпиным и, вероятно, другими корреспондентами.

В письме к Де-Воллану*** Г. И. Успенский писал:

«Роман Ваш я прочитал: он написан лучше «Брожения»****, но все-таки Вы бы много могли в нем убавить и многое прибавить. Прибавить необходимо главы две о Петрашевском, о его кружке. Убавить же необходимо... отношения в семействе Ногайцевых, которые не имеют типического интереса относительно того времени... Также надобно... ярче выставить студенчество того времени. Это необходимо для того, чтобы фигура Петрашевского и его товарищей была ярче и чтобы вообще ярче было время 40-х годов»*****.

* «Мы не просим конституцию, мы ее берем» (фр.).

** Свободное слово о современном положении России. Берлин, 1881. С. 57, 131.

*** Вероятно, в 1878 г.

**** Роман не был опубликован и, вероятно, не сохранился.

***** «Голос минувшего», 1914, № 4, с. 128—129.

Не слишком обнадеживал и отзыв А. Н. Пыпина:

«Скажу вам прямо: роман мне не понравился; герой — неясен (трудно разобрать, умный человек или совсем пустой, талантливый или только самонадеянный и т. п.); рассказ чрезвычайно растянут; цель, т. е. художественная, не видна; вообще, то, что я читал, показалось мне материалом для романа, еще требующим обработки, но не романом»*.

Стал ли Де-Воллан его «обрабатывать», неизвестно, но публикацию отложил... на двадцать лет.

Не оставлял он и попыток напечатать «Угро-русские песни» — на этот раз у Суворина, на что тот в письме от 28 октября 1882 г. отвечал:

«Согласитесь, что издание “Угорских песен” — чистый убыток, а если Вы не соглашаетесь с этим, то доказать это можно. Вследствие этого будет лучше отдать сборник Географическому обществу».

В январе 1883 г. Де-Воллан был пожалован чином надворного советника, а вскоре заканчивается и застой в карьере: новый начальник Азиатского департамента И. А. Зиновьев предлагает Де-Воллану возглавить отдел печати департамента.

В 1884 г. Де-Воллан был избран в «гласные» (члены земского собрания) Валдайского уезда, а в 1885-м — в губернские гласные Новгородской губернии. И в том же 1885 г. сумел наконец опубликовать свой многострадальный сборник — в «Записках Императорского Русского географического общества», действительным членом которого он состоял, — и был удостоен Серебряной медали РГО.

В целом же, резюмируя не столько вклад Де-Воллана в дело «славянского возрождения», сколько его национально-культурные убеждения, можно сказать словами литературоведа:

«В отличие от большинства русских панславистов Де-Воллан чуждался идеи о культурно-религиозной гегемонии России, и, видимо, это обстоятельство, а также присущий его поступкам и писаниям характер великосветского дилетантства мешали ему стать заметной фигурой панславистской публицистики»**.

Однако не стоит забывать, что хотя Де-Воллан и не был профессиональным лингвистом или фольклористом, тем ценнее его вклад в сохранение русинского фольклора венгерско-украинского пограничья. Сам же он о своем панславизме в позднейших примечаниях к публикации своих мемуаров посчитал нужным сказать:

«Хотя я лично всегда был и буду панславистом, но не закрываю глаза перед действительностью и вижу все трудности осуществления моей идеи»***.

В 1886 г. Де-Воллана отправляют в Японию — вице-консулом в Хакодате, «куда он добирался окружным путем, посетив по пути Испанию, Египет, Индию, Бирму, Индонезию, французские колонии в Индокитае, Китай»****.

В Хакодате он пробыл консулом 5 лет — до 1892-го, причем в 1890—1892 гг. возглавлял по совместительству консульство в Нагасаки*****.

Поскольку о своем пребывании в Японии Де-Воллан подробно рассказывает в своей книге, отметим здесь только, что он не замкнулся в стенах миссий, а принял несколько поездок по стране, изучив ее собственными глазами.

Ознакомительные эти поездки были крайне важны для пополнения и уточнения надежных сведений о дальневосточном соседе России, но основное время, несо-

* Письмо от 17 августа 1881 г. // «Голос минувшего», 1914, № 4, с. 142—143.

** См.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 92.

*** «Голос минувшего», 1914, № 9, с. 114.

**** С. Суляк, В. Зиновьев. Г. А. Де-Воллан и Угорская Русь // «Русин». 2018. № 54. С. 374.

***** На время продолжительного отпуска тамошнего консула В. Я. Костылева. На его «Очерк истории Японии» (1888) Де-Воллан ссылается в собственной книге о Японии.

Цесаревич Николай Александрович в Нагасаки.
Фотография. 1891 г.

мненно, занимала консульская рутинa. По долгу службы русский дипломат имел постоянные контакты с политической элитой Японии — это отразилось в живых характеристиках местных аристократов, министров и журналистов, которые он делает не с чужих слов. Принимал он обязательное участие и в церемониальных мероприятиях:

«[15 (27) апреля 1891 г.] в 9 часов, когда мы отдали якорь*, представиться его императорскому высочеству** являлись местные власти и посланник Шевич*** с консулом Де-Волланом и двумя драгоманами****. Вторник, 23 апреля (5 мая)*****. Утром цесаревич удостоивает принять завтрак в доме Григория Александровича Де-Воллана»*****.

В 1892—1894 гг. в японской одиссее Де-Воллана случился перерыв. По пути на родину (так же, как в 1886 г. по дороге в Японию) он нашел время посетить ряд стран, что нашло свое отражение в целой серии очерков.

В России Де-Воллан, верный своей деятельной натуре, времени зря не терял: получил в 1893—1894 гг. «второе высшее» образование — окончил весьма престижный частный Археологический институт в Петербурге.

«Совет Археологического института на своем последнем заседании, 3 мая [1894 г.], рассмотрев достоинство экзаменационных ответов лиц, окончивших

* На рейде Нагасаки.

** Будущему Николаю II, совершавшему кругосветное путешествие.

*** Дмитрий Егорович Шевич (1839—1906) — сотрудник МИД с 1860 г., посланник в Японии.

**** Переводчиками (*устар.*).

***** Перед отбытием из Нагасаки.

***** Э. Э. Ухтомский. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича (в 1890—1891). Т. 3. СПб., 1897. С. 12, 16.

ныне курс в Институте, определил выдать аттестаты на звание действительных членов Института выдержавшим испытания вполне удовлетворительно следующим лицам: а) кандидату Новороссийского университета, статскому советнику Григорию Александровичу Де-Воллану...»*.

А свои путевые очерки об Испании, Египте, Индии, странах Юго-Восточной Азии, которые печатались в 1890—1894 г. в журнале «Русское обозрение», Де-Воллан собрал в двухтомник «По белу свету», вышедший в С.-Петербурге в 1894—1895 г. Издание привлекло внимание рецензентов, хотя отзывы были довольно критическими. Приведем здесь один, более других аргументированный: видно, что рецензент удосужился таки прочитать двухтомник Де-Воллана — в отличие от тех, кто писал, например: «Картинки, иллюстрирующие книгу, неудовлетворительны»**. Однако и в данном случае отзыв оставляет странное впечатление: кажется, у рецензента вызывают раздражение не столько тексты Де-Воллана, сколько сам Де-Воллан.

«Несмотря на иностранную фамилию, г-н Де-Воллан — истинно русский обыватель и патриот своего отечества. Где бы он ни был, в Испании, Египте или Индии, он прежде всего обращает внимание на русские интересы. Казалось бы, что нам Испания или мы ей? Но г-н Де-Воллан обвиняет нашу дипломатию, которая пренебрегает испанцами. Привлечь их на свою сторону — значит иметь лишний козырь в своей игре.

Сделать это очень просто.

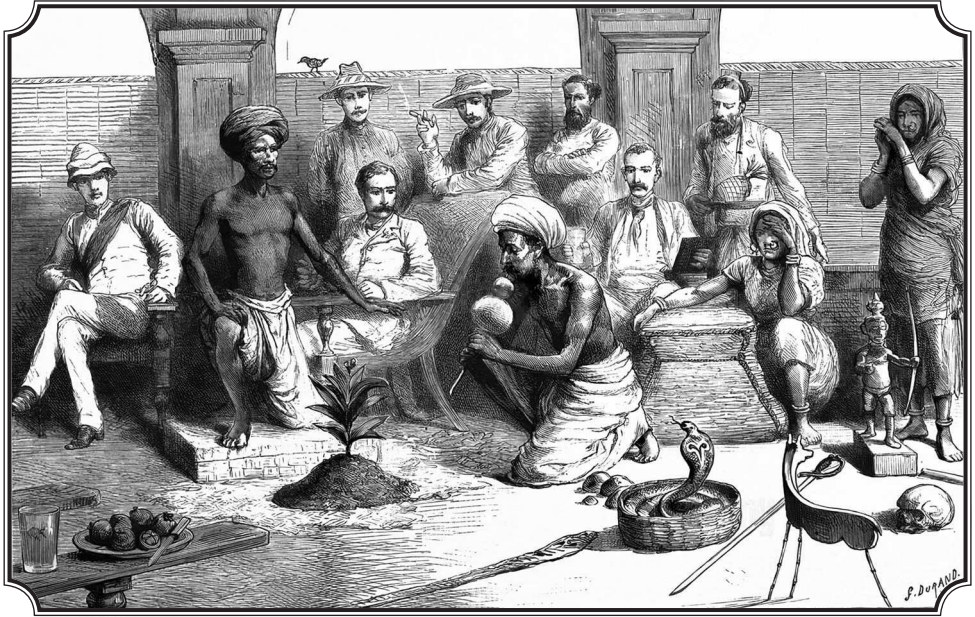
О русских и России испанцы знают исключительно из европейских газет, которые только тем и занимаются, что распространяют про нас всякую дичь. Г-н Де-Воллан вообще недолюбливает заграничную прессу, которая о России и ее порядках позволяет себе высказывать мнения несколько резкие. Он утешает себя, что это — нелепости, сочиненные нашими врагами. “Стоило бы только познакомить испанцев с Россией, издать популярные описания о нашей литературе, о наших нравах, о русском народе”, — и Испания наша. Теперь она страдает под игом парламентаризма, спасти от которого можем ее только мы. Правда, интеллигенция в Испании кое-что слышала и не особенно к нам благосклонна. Но в массах пока еще сильна ненависть к немцам, а следовательно, по логике г-на Де-Воллана, есть тяготение к России.

То же самое он говорит и о Египте, хотя здесь касается этого вопроса мельком, устремляя все свое внимание на Индию. Едва вступив на почву последней, он начинает обвинительный акт против англичан, которые, по его же словам, в течение столетия преобразили страну. Они дали ей такую свободу вероисповеданий, что наш путешественник только руками разводит. Представьте себе, что в Индии буддизм, брахманизм, магометанство и христианство пользуются равноправностью. Они дали Индии такую свободу слова, что в индусских газетах индусы — редакторы и сотрудники — изволят критиковать правительство ее величества королевы.

Они дали ей такой независимый суд, что он судит одинаково индуса и джентльмена из парламента. Образцовый порядок, полная безопасность, свобода передвижений — словом, в Индии г-н Де-Воллан встретил порядки, которые совсем не годятся для этих азиатов, и потому он глубоко убежден, что стоит только русским моргнуть, как вся Индия разом воспрянет. Он глубоко убежден, что индусы вздыхают о тех временах, когда магараджи рубили им головы, как капусту, когда вдов жгли на кострах их мужей, и подати, взимаемые в кассу раджей и браминов,

* «Русский архив», 1894, № 9, с. 141.

** «Русская мысль», 1894, № 4. С. 201—202. Рубрика «Путешествия».

Британцы наблюдают выступление уличных факиров в Индии.

Гравюра. 1888 г.

составляли три четверти доходов. Высшие классы и здесь, как с прискорбием констатирует автор, уже развратились. Они отвыкли от палок, гордятся своими правами и требуют еще большего их расширения, в виде учреждения индийского парламента. Зато масса народа еще не тронута тлетворным ядом западноевропейских идей и ее легко “возбудить” против англичан, ибо, говорит г-н Де-Воллан, “где есть поработенные и угнетенные народы, там имя России, точно тень Банко, является во всей своей грозной силе”. И тут же он таинственно сообщает, что просвещенные мореплаватели “следили” за ним, хотя всю Индию он проехал из конца в конец, и никто ни разу не осведомился у него, кто он и зачем ездит. Это не помешало ему “расхотаться” в ответ на наивный вопрос одного индуса, правда ли, что в России нельзя так свободно разъезжать, как в Индии?*

В 1894 г. Де-Воллан на два года вернулся в Японию в качестве секретаря миссии в Токио. Не имея возможности осветить его служебную деятельность, упомянем здесь лишь тот очевидный факт, что и за ее пределами у него было немало «общественных нагрузок». В дневнике епископа Николая Японского (Касаткина) можно встретить несколько упоминаний о Де-Воллане. Некоторые весьма живо описывают его в неслужебной обстановке:

«8 (20) ноября 1895 г. В три часа было крещение сына о. диакона Дмитрия Константиновича Львовского. Были все из посольства, начиная с посланника, дочь которого заочно была поставлена крестной матерью; крестным отцом был секретарь Григорий Александрович Де-Воллан, державший очень усердно и неумело ребенка, но очень плохо по книжке прочитавший “Верую”, чем истинно компрометировал русское христианство перед всеми бывшими в церкви. Я крестил; сам отец служил диаконом; мать хлопотала у подушки для ребенка; Елисавета Котама стояла рядом с Де-Волланом, помогая ему управляться с рабом Божиим Михаилом»**.

* «Русское богатство», 1894, № 2. С. 74—75. Рубрика «Новые книги».

** Дневники св. Николая Японского. Т. 3. СПб., 2004. С. 206—207.

Убийство морских котиков на острове Святого Павла. Аляска.
Фотография. 1890-е гг.

Осенью 1896 г. Де-Воллан отбыл в США. Его ждала должность первого секретаря российской миссии в Вашингтоне*. Де-Воллан чуть было не попал в США за 20 лет до этого, но тогда (в 1875 г.) Америка считалась далеким захолустьем, к тому же дорогим для проживания. С тех пор положение изменилось: жизнь не подешевела, но США стремительно набирали силу. Пройдет немного времени — и ревнивое соперничество России и Америки станет неременным, важнейшим и постоянным фактором мировой геополитики.

О жизни Де-Воллана в Вашингтоне известно не так много. На этом посту он занимался, вероятно, обычной дипломатической рутинной, среди которой привлекает внимание, в частности, его участие в природоохранной деятельности: 6 ноября 1897 г. он подписал в Вашингтоне «Соглашение между Россией, Соединенными Штатами и Японией об охране морских котиков».

Однако экология экологией, а вопросы геополитики были насущнее. Через два месяца после подписания этого соглашения, анализируя англо-американские отношения, Де-Воллан сообщал в МИД, что им получены из достоверного источника сведения о возобновлении английским послом в Вашингтоне переговоров с американским правительством о заключении трактата о третейском суде (*Arbitration treaty*):

«Заключая подобный трактат, Англия развязывает себе руки относительно Америки и получает свободу действий там, где это требуется ее интересами. Американцы это очень хорошо понимают и смотрят на трактат о третейском суде как на союз с Англией, который может вовлечь Соединенные Штаты в разные осложнения с другими державами. Несмотря на существующие в стране симпатии к родственной нации, большинство американцев относится с недоверием и неприязнью к английской политике и не желает усиления могущества Англии»**.

А еще через несколько месяцев, буквально накануне Испано-американской войны, Де-Воллан сообщал:

* При послах Э. К. Коцебу и А. П. Кассини, возглавлявших российское представительство в США соответственно в 1895—1897 и в 1897—1904 гг.

** Делепеша № 77 от 25 декабря 1897 (6 января 1898 г.). Архив революции и внешней политики, «Переписка с Вашингтоном» за 1898 г. Цит. по: «Красный архив», 1932, № 3 (52), с. 128.

Раздел Китая европейскими державами и Японией.

*Французская политическая карикатура
конца 1890-х.*

Пирог олицетворяет Китай, территорию которого делят между собой английская королева Виктория; Вильгельм II, император Германский; император Николай II; французская Марианна (представленная хотя и не принимающей участия в разделении пирога, но приближенной к императору Всероссийскому как знак Франко-русского союза) и японский император Мэйдзи. Позади них стоит представитель двора Цин, в ужасе воздевший руки, чтобы остановить этот раздел, но безуспешно.

«Многие признаки указывают на то, что Англия относится очень сочувственно к Америке и всячески поощряет ее к войне, которая, в сущности, не в интересах Англии. Усиление Америки на этом материке, изгнание испанцев из Кубы, как сказал один хорошо осведомленный англичанин, приведет впоследствии к тому, что очередь настанет за Англией, и ей придется рано или поздно померяться с Америкой из-за Канады. Но англичане не задаются такими далекими перспективами,

и если они так настойчиво стремятся к сближению с Америкой, то это делается ради ближайшего будущего, а именно с надеждой заручиться поддержкой федеративного правительства на Крайнем Востоке»*.

Профессиональная активность Де-Воллана отмечается советским исследователем А. Канторовичем**. В изданной в 1935 г. книге «Америка в борьбе за Китай» неоднократно встречаем ссылки на депеши Де-Воллана из Вашингтона. Так, например, в 1900 г. Де-Воллан непрерывно и подробно информировал МИД о внутривнутриполитической ситуации в США в связи с участием Америки в составе «Альянса восьми держав»*** в подавлении Боксерского восстания в Китае:

«Демократы могут сколько угодно нападать на империализм Маккинлея****, но американский народ уже преисполнен величия и желает играть заметную роль во всемирной истории. Республиканская простота и невмешательство в дела других народов, столь восхваляемые демократами, если не ошибаюсь, отошли уже в область прошлого» (депеша от 30/VIII 1900);

«Многочисленный класс фермеров и большинство американской публики желают скорейшего отозвания войска не только из Пекина, но даже из Китая, и будут с радостью приветствовать всякий выход из китайских затруднений. Противником этой точки зрения являются миссионеры, железнодорожники, пароходовладельцы и вообще весь промышленный и торговый мир, дорожающий китайским рынком и не желающий, чтобы Соединенные Штаты уступили свои выгоды другим державам. Эти люди, имеющие большое значение при теперешнем режиме, оказывают сильное давление на нынешнюю администрацию; президенту же ввиду предстоящих выборов приходится лавировать» (депеша от 12/IX 1900) и т. д.

Популярная газета в эти же дни сообщала:

«Вашингтон, 18 (31) августа. (Агентство «Рейтер»). С официальной стороны ничего не говорят о вчерашнем продолжительном заседании кабинета, но в публике распространяется уверенность, что дело шло о предложении русского уполномоченного в делах Де-Воллана, состоящем в том, чтобы войска союзников удалились из Пекина, как только безопасность иностранцев будет обеспечена»****.

В 1902 г. Де-Воллан был переведен в Мексику — поверенным в делах. Стоит упомянуть, что, вероятно, в США он женился: во всяком случае, в Мексику отправился с женой. Более ранних упоминаний о ней не имеется, а в формулярном списке Де-Воллана за 1910 г. значится: «Женат на дочери гражданина Северо-Американских Соединенных Штатов девице Елене Владимировне Тиздель, англиканско-епископального вероисповедания».

В том же году Де-Воллан решил издать писавшийся более 20 лет назад роман «Полная чаша. Из семейной хроники Ногайцевых», который ему в 1881 г. советовал

* Депеша № 26 от 16 (28) апреля 1898 г. Там же, с. 130.

** Анатолий Яковлевич Канторович (1896—1937) — крупный советский ученый-международник, специалист по экономической истории Китая, доктор экономических наук (1936). Казнен в ходе Большого террора.

*** Япония, Россия, Великобритания, Франция, США, Германия, Италия, Австро-Венгрия.

**** Уильям Мак-Кинли (1843—1901) — участник Гражданской войны (1861—1865), член Республиканской партии, 25-й президент США (1897—1901). Убит в результате покушения.

***** «Русский инвалид», 20 августа (1 сентября) 1900, № 183, с. 4. Несколько днями ранее, 12 августа, русское правительство в своей циркулярной ноте державам-союзницам оправдало свое занятие Ньючжуана и введение русских войск в пределы Маньчжурии тем, что эти меры «вызваны исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников»; они «отнюдь не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императорского правительства» (цит. по: В. И. Ленин. Китайская война // ПСС. Т. 4).

«обработать» А. Н. Пыпин. Наиболее обстоятельной рецензии роман удостоился в «Русском богатстве» (1902, № 11). Ее автор В. В. Каррик писал:

«Это какое-то странное литературное произведение: исторический ли это роман, психологический или социально-философский — трудно разобрать, как трудно выделить главную фабулу и определить намерения автора и идею, которую он имел в виду иллюстрировать.

Главное действующее лицо — молодой человек Покровский, фигурирующий сначала в качестве умного, но бедного красавца, не стесняющегося, впрочем, несколько своей бедностью и не только пьющего из чужой “полной чаши”, но и одерживающего целый ряд амурных побед над великосветскими красавицами. В конце концов он оказывается сыном какого-то князя, родственником тех дам, с которыми он амурился, и очень богатым человеком.

Таким образом получается довольно согласный аккорд, нарушенный лишь тем, что герой попадает в тюрьму по делу Петрашевского и присуждается в арестантские роты. “Какая ирония судьбы, — мелькает в его голове, — родиться под княжеской пеленой, провести все детство, отрочество, юность в бедности, нужде — и вдруг улыбка счастья: богатство, знатность и, может быть, семейное счастье. И все это опять насмарку... Ну, не глупо ли? И к чему люди так цепляются за эту несчастную жизнь?”

Ему поручает воспитывать сына декабриста министр, “всесильный временщик”, и в то же время с ним заигрывает на балах у ростовщиков и сводников революционер Петрашевский. Вот какой между ними происходит разговор на вечере у одной сводницы.

Покровский рассказал, что ему хотелось поговорить с людьми выдающимися, что он, живя в Харькове, думал найти в Петербурге этих людей.

— И этот красивый Ногайцев привез вас сюда? — удивился Петрашевский. — Нашел место. Но это ничего, я вас теперь знаю и приглашаю вас к себе. У меня вы найдете и разговор и карты.

— Я не играю, — коротко ответил Покровский.

— И вам не скучно? — удивился Петрашевский. — Как я рад, что я вас встретил, — продолжал Петрашевский. — Я вас познакомлю с моим кружком. Все славные ребята, восторженные идеалисты.

Таков Петрашевский в изображении г-на Де-Воллана...

Петрашевцы, которые, к счастью, выведены в романе лишь вскользь, — какая-то темная компания, играющая в карты, быть может, даже нечисто, и ведущая разговоры о революциях сверху и революциях снизу... Очевидно, автор взялся не за свое дело, начав писать роман; будем надеяться, что это первое и последнее его детище».

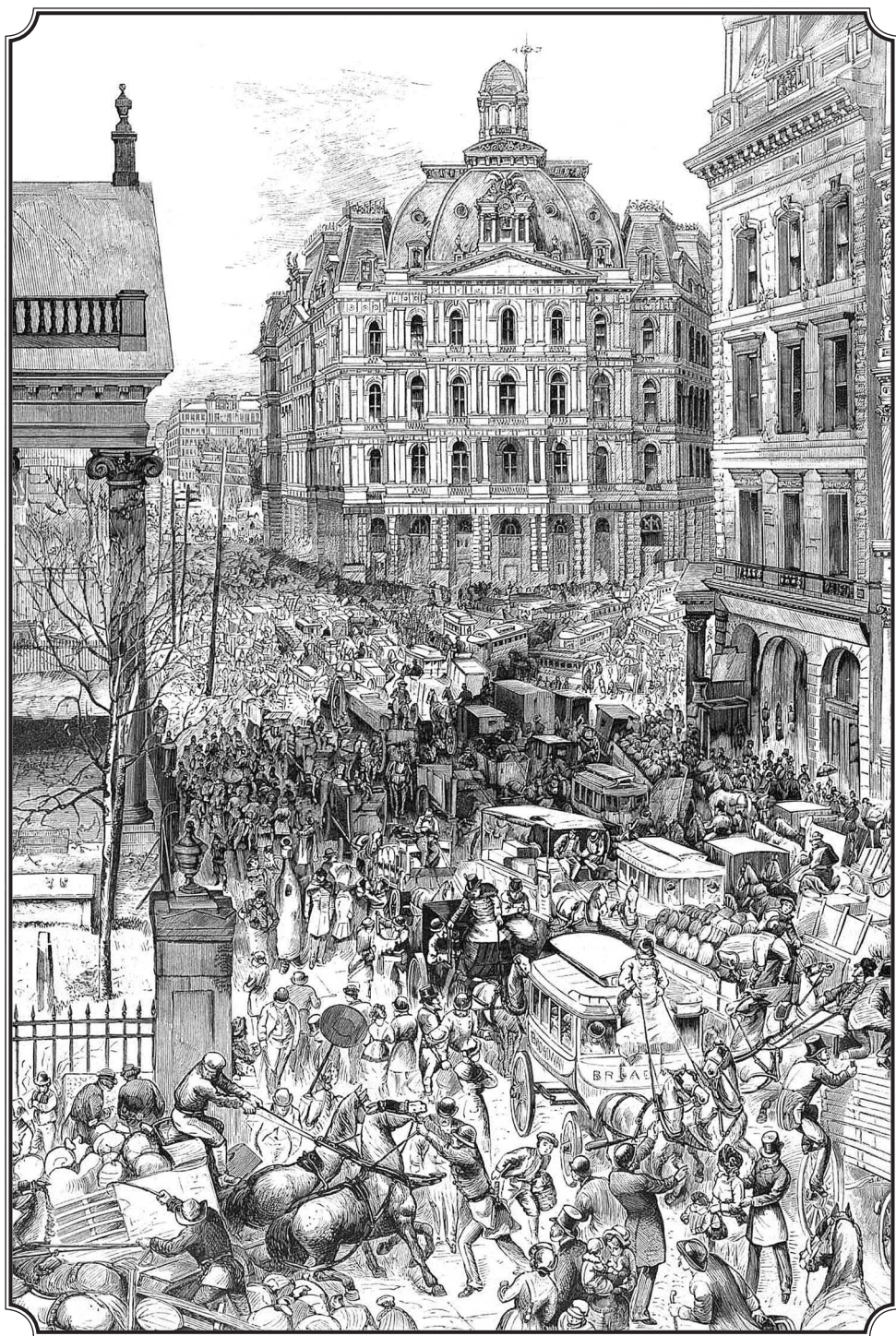
Беллетристика, видимо, действительно не была коньком Де-Воллана: социально-политическая публицистика и путевые очерки (при всей их неровности) давались ему лучше...

В 1903 г. Де-Воллан получает чин действительного статского советника, штатского генерала. В том же году выходит в свет первым изданием главная его книга — «В стране восходящего солнца»*.

А в 1905 г. Де-Воллан печатает очерк о стране своего пребывания — Мексике. В нем в привычной для себя манере он соединяет личные наблюдения над повседневной жизнью страны с изложением ее индейского прошлого и испанского завоевания**.

* Второе издание вышло в 1906 г. Отдельные же главы Де-Воллан начал печатать в «Русском обозрении» и «Русском вестнике» в 1897—1898 гг. в виде писем и отдельных очерков.

** «В царстве Монтезумы» // «Исторический вестник», 1905, № 4, с. 285—307; № 5, с. 631—657.

Вид улицы Бродвей в Нью-Йорке в 2 часа пополудни.
Гравюра из «Всемирной иллюстрации». 1884 г.

«Всем известно, что Бродвей — самая шикарная улица Нового Света. Это аорта, по которой течет лучшая кровь нашей системы. Все, что есть на нашем континенте изысканного, прошло через эту улицу. Здесь устраиваются лучшие выставки, сюда прибывают караваны со всего света. (Эдгар Аллан По)

В 1906 г., занимая, по сути дела, все ту же должность — главы российского дипломатического представительства, Де-Воллан был повышен в статусе до чрезвычайного посланника и полномочного министра. В том же году из своего дипломатического далека он напечатал обращение к русской молодежи, в котором призывал ее отказаться от политического террора*. В 1907 г., подводя итоги своему шестилетнему (1896—1902) пребыванию в США, Де-Воллан издал книгу «В стране миллиардов и демократии»**. Нью-Йорк с его Бродвеем, общественный транспорт, гостиницы, лифты, метро, небоскребы, выборы мэра, коррупция, миллионеры и нищие, мужчины и женщины, негры и белые, «дельцы, мелкое чиновничество, рабочие; прислуга и городской неимущий люд»***, Верховный суд, работа конгресса — ничто не ускользнуло от его быстрого, но зоркого взгляда. Но особенно впечатлил Де-Воллана стремительный экономический рост США и предприимчивость американцев, их коммерческая и техническая изобретательность:

«Американец, каким бы делом ни занимался, как бы оно ни было неинтересно, любит свою работу, отдает ей всю душу и основательно, честно исполняет свой долг. Этот идеализм, любовь к своему делу скрашивает жизнь этих практических натур».

В Мексике Де-Воллан оставался восемь лет — до самой своей отставки в 1910 г. Помимо служебных обязанностей он, верный своим привычкам, путешествовал по стране, собрал коллекцию индейских древностей, три десятка предметов которой передал по возвращении в Россию в музей Императорского Русского археологического общества, членом которого состоял с 1912 г.**** Состоял он также членом Военно-исторического общества.

В последние годы жизни Де-Воллан задался целью написать фундаментальный труд «История общественных и революционных движений в связи с культурным развитием русского государства»; объемистый 600-страничный первый том первой части вышел в издательстве М. О. Вольфа в 1913 г.*****. К сожалению, историософская эта компиляция оказалась слабее и его панславистской публицистики, и его страноведческих книжек*****. Зато печатавшиеся параллельно (в 1914 и 1916 гг.) его мемуары «Очерки прошлого» не утратили своей познавательной ценности и по сей день.

Умер Г. А. Де-Воллан во время Первой мировой войны, 28 апреля (11 мая) 1916 г. в Ялте.

С тех пор прошло более ста лет. За это столетие Российская империя претерпела целый ряд фундаментальных потрясений, дважды сменила имя, пережила ряд антропологических катастроф — и забыла многое и многих. Но, как сказано у Екклесиаста, «время разбрасывать камни, и время собирать камни». И время вспоминать, в сущности — знакомиться заново. И получать от этого знакомства большое удовольствие, подобное тому, которое мы испытываем, пригубив выдержанное вино.

* К русской молодежи: Открытое письмо Григория Де-Воллана. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 40 с.

** СПб.—М.: Издание Товарищества М. О. Вольф, 1907. III, 321 с.: 12 л.ил.

*** Цитируем здесь названия двух глав раздела «Население».

**** Вероятно, именно они дополнили в 1931 г. собрание Эрмитажа.

***** 2-й т. был издан в 1916 г.

***** См. отрицательную рецензию в «Журнале министерства народного просвещения» (1914, № 5, раздел «Народное образование», с. 99—101).

В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Н

АЧАЛО ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ

Начало японской истории переполнено баснословными сказаниями и легендами мифологического характера. Кодзики, написанные в 712 г., говорят о событиях, совершившихся в 600 г. до н. э., т. е. почти за 1200 лет до времени написания. Мы допускаем, что память рассказчицы, давшей главный материал для Кодзики, могла быть феноменальная, но на таком расстоянии так легко кое-что позабыть и перепутать. Начать с того, что первые легендарные государи Японии отличались долголетием и царствовали неимоверно долго (по сто лет). Некоторые из их помощников жили 300 лет.

В царствование императрицы Дзингу* была предпринята экспедиция в Корею (200 г.)**. Она покорила княжества Силла***, Корай, или Гао-ли, и Хякусай, или Пэкче (называемое еще Кудара****).

Китайские хроники (от 25 до 200 г.) говорят о Японии следующее: Ва (т. е. японцы) живут на юго-восток от Хане (Кореи), на гористом острове среди океана. Их страна разделена на 100 провинций.

В японской хронике отмечено, что в 288 г. явился знаменитый Вани и привез с собой несколько китайских книг, по которым научил китайской грамоте наследника престола. В то же время прибыли из Кореи портные, ткачи шелка и прядильщики ваты.

* Государыня *Окинага-тараси-химэ* (посмертное имя Дзингу) правила в 346—389 гг. (в 201—269 гг. согласно исторической легенде).

** На самом деле поход состоялся на полтора столетия позже (см.: *Д. Суровень*. Поход государства Ямато в Силла 346 года // Научный диалог. Вып. № 1 (37). Екатеринбург, 2015. С. 8—65). Это же касается времени регентства Дзингу (347—389) (см.: *Д. Суровень*. О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингу) и Хомуда-вакэ (государя Одзина) // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 6. С. 1—226).

*** *Силла* — одно из 3-х ранних корейских государств. Основанное ок. 356 г. (по легенде — в 57 г. до н. э.), княжество по очереди захватило Кая в 562 г., Пэкче в 660-м и Когурё в 668-м. В 892 г. распалось на Поздние три корейских государства, после чего в 935 г. вновь объединилось под именем Корё, просуществовавшее до падения династии Корё (Корай) в 1392 г.

**** *Пэкче* (яп. Хякусай, Кудара) — одно из Трех древних корейских государств, наряду с Когурё и Силла. Основанное в 234 г. (по легенде — в 18 г. до н. э.), в 660 г. было поглощено княжеством Силла (Синра).

Кампаку — титул главного советника совершеннолетнего императора. Учрежден для Фудзивары-но Мотоцунэ, отменен в 1868 г. в связи с упразднением сёгуната и восстановлением прямого императорского правления (Реставрация Мэйдзи).

Тайко — титул главного советника (регента) в отставке (иногда — отца действующего главного советника).

Дайдзё-дайзин — глава императорского правительства Японии в VII—XIX вв., наивысшая должность Палаты большого государственного совета (Дайдзёкана) — высшего государственного учреждения периодов Нара, Хэйан и начала Рестарации Мэйдзи.

Удайзин (*буквально*: правый министр, министр правой руки) — один из председа-

телей Дайдзёкана в VIII—XIX вв. По рангу находился ниже *дайдзё-дайзина* и *садай-дзина*.

Садайзин (левый министр) — один из председателей Дайдзёкана в VIII—XIX вв. По рангу находился ниже дайдзё-дайзина, но выше удайзина.

Дайнагон — старший императорский советник, должность в Дайдзёкане (702—1868, 1869—1871). Младше левого и правого министров и министра печати, которых замещал в их отсутствие.

Тюнагон — средний государственный советник, чиновник 3-го младшего ранга, должность и титул в Японии в VII—XIX вв. Младше дайнагона, один из помощников в составе палаты Дайдзёкана.

Нинтоку* (царствовавший в 313—399 гг.), убедившись в бедности народа, на три года освободил его от всяких податей и повинностей. Когда ограда дворца развалилась и соломенная крыша его протекла, легендарный Нинтоку повторял для своего собственного утешения: «Если народ богат, я богат, а бедность народа — моя бедность». Наконец сам народ пожелал внести подати и взялся починить дворец.

БУДДИЗМ.— ФЕОДАЛИЗМ.—
ВОЕННАЯ ДИКТАТУРА.— ФУДЗИВАРА.—
ТАЙРА И МИАМОТО.— КИЁМОРИ
И ЁРИТОМО.— КУБЛАЙ-ХАН.—
ИМПЕРАТОР ГО-ДАЙГО.— АСИКАГА

Во второй половине VI в. в Японии появляется буддизм, уже завоевавший себе половину Азии.

При императоре Киммэе из Кореи прибыл посланец, который привез с собой статую Будды, буддийские богослужебные книги и стал восхвалять буддийскую религию. Император спросил министров, что они думают об этих статуях. Один из них отнесся довольно благосклонно к присланной статуе, а другой, Накатами-но-мико, возражал таким образом: «Наша империя небесная, мы поклоняемся ста восьмидесяти богам, зачем же нам почитать еще и этих иностранных богов?»

Распространению буддизма способствовало то обстоятельство, что новое учение приняло в свой пантеон богов синтоизма, так же как оно сделало и с брахманизмом.

Вообще с распространением буддизма японцы начали воспринимать китайскую культуру, китайские учреждения, законы, письменность, литературу, медицину, искусство и некоторые производства, из которых многие появились в Японии со времени эмиграции корейцев, изгнанных из отечества благодаря внутренним смутам. Вместе со смягчением нравов при дворе воцарилась утонченность, изнеженность.

Сами государи, заключенные в своей золоченой клетке *гоге*, перестают интересоваться государственными делами, занимаются шарадами, сочинением стихов, церемоний и выдумыванием новых должностей, новых костюмов, а страна была

* *Нинтоку тэнно* — 16-й полубогородительный император Японии, правивший, по преданию, с 313 по 399 г.

Император Киммэй

Киммэй — 29-й император Японии (539—571). В 552 г. ван корейского государства Пэкче Сонмён якобы преподнес Киммэю золотую статую Будды Шакьямуни, буддийские ритуальные предметы и сутры, а также послание, превозносящее Закон Будды. В книге *Нихон сёки* рассказывается, что так при императоре Киммэе в Японию из Кореи начал проникать буддизм

предоставлена на произвол судьбы. Самым важным сановником при дворе государя считался вице-император кампаку, или первый министр. Эта должность учреждена с 888 г. За ним идет тайко, затем кугэ, или придворная знать, из которой выбираются с правами министра дайджин (дайджэ-дайджин, удайджин, садайджин). Ниже их считают советников дайнагон и тюнагон.

В Японии господствовал тогда феодализм, и вся японская нация разделена была на благородных и простонародье (*хэймин*). Господствующий класс разделялся на: 1) *кугэ* — принцы, родственные с верховным государем; 2) *даймё* — владетельные князья; 3) *самураи* — воины владетельных князей. Самураи сначала были простыми крестьянами, променявшими соху на оружие. За исполнение воинской службы сюзерен жаловал их известным доходом с деревень. Самураи, потерявшие своих сюзеренов вследствие казни или опалы, считались изгоями (ронинами).

После царствования Камму* между владетельными князьями выдвигаются три семейства: Фудзивара, Тайра и Минамото. Фудзивара принадлежали к старинным родам Японии и были в родстве с императорским домом. Из 155 семейств кугэ 95, кроме собственного прозвища, носят еще фамилию Фудзивара.

Пять семейств (го-сэккё**) и до нынешних времен пользуются особым почетом. Только из их среды микадо может избрать себе императрицу. При выборе второстепенных подруг не существует ограничения. В руках семейства Фудзи-

Кугэ

Кугэ — японская придворная аристократия, ближайшее окружение императора. Большинство *кугэ* принадлежало к феодальным домам Фудзивара, Тайра, Сугавара, Киёвара и др. После Реставрации Мэйдзи звание *кугэ* было отменено.

* Т. е. после 806 г.

** Пять знатных семейств клана Фудзивара в период Камакура (1192—1333). Супруги императоров избирались только из этих семейств.

Минамото-но Ёсицунэ.
Гравюра Тории Киёхиро. 1760 г.

Минамото-но Ёсицунэ (1159—1189), младший брат Минамото-но Ёритомо, прославился победами в войне с кланом Тайра, чем вызвал ревность Ёритомо, который исключил Ёсицунэ из клана и организовал на него покушение. После 4-х лет непрерывного бегства он был застигнут убийцами сёгуна. Приключения и гибель Ёсицунэ и его верного оруженосца Бэнкэя легли в основу классических постановок театра кабуки. Кроме того, Ёсицунэ и Ёритомо являются одними из главных персонажей «Повести о доме Тайра» — самого знаменитого военного романа (гунки), оказавшего громадное влияние на эволюцию японской литературы.

вара сосредоточивалось гражданское управление Японии, они же назначали *de facto* государей Японии. Неудобные им государи должны были отказываться от престола, который переходил в руки детей от 5 до 12 лет*; правил в это время регент (кампаку) из фамилии Фудзивара. Также и Минамото, тоже родственные императору, старались захватить в свои руки диктатуру.

Самураи этих домов, совершенно забывая долг верноподданства, сражались с ожесточением только за своего сюзерена. Борьба Гэн (Минамото) и Хэй (Тайра)** прославлена японскими поэтами. Эпизоды этой борьбы полны драматизма, но мы не желаем утомлять читателя излишними подробностями и остановимся на том моменте, когда Киёмори*** из дома Тайра победил своего врага Ёсинака из дома Минамото. Прельстившись красотой Токивы, подруги Ёсимото, Киёмори женился на ней и ради нее пощадил и ее детей. Опасаясь мщения за смерть отца, Киёмори отправил детей Ёсимото в монастырь.

После победы над врагом Киёмори, возведенный в сан первого министра (дайджэ-дайджина), был в сущности диктатором Японии, и по его капризу смещались и назначались императоры****. Произвольные действия Киё-

* Сэйва вступил на престол в 9 лет, Хорикава — в 8 лет, Тоба — в 5 лет. Отказался от престола Рэйдзэй — [после] 2 лет и Кадзан — после 3 лет. (Примеч. Де-Воллана.)

** Гэн (Минамото) и Хэй (Тайра) — китайское (японское) чтение соответствующих иероглифов.

*** Тайра-но Киёмори (1118—1181) — потомок императора Камму, политический деятель и полководец конца эпохи Хэйан, с 1153 г. глава клана Тайра. Один из главных персонажей «Повести о доме Тайра» («Хэйкэ-моногатари»).

**** Возведенный на престол Рокудзё в 2-летнем возрасте был смещен, и императором был признан Такакура, который из благодарности даже женился на дочери Киёмори. Но и зять Киёмори не долго царствовал и должен был уступить престол своему сыну и внуку Киёмори — 2-летнему Антоку. (Примеч. Де-Воллана.)

Минамото-но Ёритомо.
 Деревянная скульптура.
 Период Камакура. XIII — XIV вв.

Минамото-но Ёритомо (1147—1199) — основатель сёгуната Камакура (1192—1333) и первый его правитель (1192—1199).

Ходзё Масако (1156—1225) — политическая деятельница, супруга Минамото-но Ёритомо, первого сёгуна из рода Минамото. После смерти мужа более четверти века фактически стала «серым кардиналом» сёгуната.

мори и его жестокости вызвали неудовольствие в стране. Во главе недовольных стал Ёритомо, сын Ёсимото из дома Минамото. Он женился на красивой Масако, дочери придворного по имени Ходзё* и с помощью своего тестя набрал себе армию. Главным помощником Ёритомо был его родной брат Ёсицунэ, геройство которого прославили японские поэты. После нескольких сражений и смерти Киёмори фамилия Тайра была истреблена вконец, а жена Киёмори с малолетним императором Антоку бросилась в море.

Военную диктатуру захватил Ёритомо, который избрал себе столицей Камакуру. Военные подвиги великого полководца и популярность Ёсицунэ возбудили подозрение Ёритомо, который забыл о громадных заслугах брата и стал подумывать о том, как бы от него избавиться. Спасаясь от мстительной руки брата, объявившего его изменником страны и вне закона, Ёсицунэ, по некоторым преданиям, бежал в Иессо, где нашел убежище у айнов, по другой версии он был убит одним из своих друзей, который добивался милости Ёритомо. В награду за великую услугу, оказанную отечеству, Ёритомо получил титул сэйи-тайсёгун (сэй — варваров, и — покоривший, тай — великий, сёгун — главный военный начальник). Должность эта называлась еще бакуфу**, или «правление занавеси», потому что палатка главнокомандующего была отделена от остального лагеря полотном. Юридически власть осталась в руках микадо, который жил в Киото, но фактически страной распоряжался великий сёгун. В пяти провинциях были назначены наследственные воеводы, принадлежащие семейству Ёритомо. Тестя своего он наградил военным губернаторством в Киото и многим Ходзё дал дорогие места.

Со смертью Ёритомо власть его перешла к его сыну, но тот государственным делам предпочитал удовольствия и распутство. Такова вообще судьба власти в Японии. Власть императоров вследствие их неспособности мало-помалу переходит в руки сёгунов, которые в свою очередь не могут избежать общей участи

* *Ходзё Токимаса* (1138—1215) — глава рода Ходзё, сиккэн (регент) сёгуната Камакура (1203—1205).

** Слово «бакуфу» употребляется также в смысле «правление» всех трех сёгунатов с конца XII в. до самой Реставрации Мэйдзи.

Ходзэ Ёситоки

Камон (семейный,
родовой герб)
рода Ходзэ —
три драконьих
чешуйки

Ходзэ Ёситоки (1163—1224) — следующий за своим отцом Токимасой глава рода Ходзэ, сиккэн (регент) и фактический правитель Японии в 1205—1224 г.

Ходзэ — самурайский род, возвысившийся в XIII—XIV вв. Глава клана, Ходзэ

Токимаса (1138—1215), породнившись с семьёй Минамото-но Ёритомо, помог ему основать Камакурский сёгунат. 16 сиккэнов (регентов) Ходзэ 130 лет (1203—1333) фактически правили Японией при династии сёгунов Минамото.

и кончают вырождением. Какой-нибудь честолюбец, пользуясь близостью к сёгуну, старается овладеть кормилом правления и таким образом в Японии рядом с установленной, признанной, но вместе с тем призрачной властью возникает другая власть — фактическая, полная задора и энергии; эта энергия держится только в течение двух-трех поколений. Так было и с немногочисленным потомством Ёритомо. Власть от них перешла к семейству Ходзэ, в руках которого она оставалась в 1219—1334 г. Представитель этой фамилии Ёситоки вступил в борьбу с императором и, одержав над ним победу, сместил его и назначил императором собственного внука. Семейство Ходзэ отличалось своими заботами о народном благосостоянии и покровительством литературе.

Во время правления потомков дома Ходзэ Кублай-хан (Хубилай)* завоевал Китай и основал новую Юаньскую (монгольскую) династию императоров в Китае. Посланцы его являлись не раз в Японию и требовали от японского императора изъявления покорности, но требования Кублай-хана оставались без ответа, и посланцы его не допускались далее Кюсю. В 1274 г. 10 000 монголов высадились на острове Цусима, разбили там японские войска и хотели переправиться на Кюсю, но атака их была отбита сёгунскими войсками. Кублай-хан, не смущаясь неудачей, направил новых посланцев, которые были казнены японским правительством. В 1282 г. были приготовлены корейские суда для высадки и на Японию двинулось стотысячное войско, состоявшее из корейцев, китайцев и монголов. Монголы остановились у острова Такасима, близ Нагасаки. Монгольский флот был вооружен метательными орудиями, из которых камни летели градом в лагерь неприятеля.

* Хубилай (1215—1294) — монгольский хан, основатель монгольского государства Юань, в состав которого входил Китай; известен благодаря Марко Поло как «Кублай-хан».

Камон рода
Асикага —
футацибуки
(двойное
подчеркивание)

Страшный тайфун (ураган) явился на помощь японцам, разметал как щепки суда монголов. Трусами неприятеля была усеяна вся поверхность моря близ острова Такасима и Япония надолго избавилась от иноземного нашествия.

Фамилия Ходзэ, вступившая в управление страной после семейства Минамото, также вызвала недовольство своей заносчивостью. Оставленный в тени император Го-Дайго* был неугоден Ходзэ и смещен с престола. Лишенный престола, император Го-Дайго увидел во сне двух юношей, соорудивших ему трон под тенью камфорного дерева (кусуноки). Император стал после этого искать человека, носящего такую фамилию и действительно нашел Кусуноки Масасигэ**, уже известного своими подвигами при истреблении разбойничества. Кусуноки Масасигэ разумными действиями и победами на ратном поле вернул власть императору Го-Дайго. Благодаря предательству Асикаги, родственника Ходзэ, столица Камакура была взята приступом.

Последний из дома Ходзэ после взятия города удалился вместе со своими приверженцами в гробницу предков. Там все присутствующие (их было около 1000) справили прощальную попойку и окончили жизнь, разрезав себе живот (харакири). Таков был конец фамилии, так долго распоряжавшейся судьбами Японии.

Власть недолго оставалась в руках императора Го-Дайго. Честолюбивый Асикага добивался звания сёгуна, которое на этот раз было даровано сыну императора. Недовольный этим Асикага стал готовиться к восстанию и в скором времени ему

Доспехи Асикаги Такаудзи.
Реконструкция. Начало XIV в.

Асикага Такаудзи (1305—1358) — первый (1338—1358) сёгун дома Асикага. Направленный на подавление сил императора Го-Дайго, восставшего против засилья Ходзэ, Асикага предал сёгуна, перешел на сторону императора и разгромил правительственные войска. Но получил за это от императора только титул «гиндзюфу сёгун» (полководец, покоряющий врагов) вместо «сэйи тайсёгун», после чего спровоцировал раскол династии на Северную и Южную, чье соперничество помогло ему основать собственный сёгунат Муромати (по названию ставки).

* Го-Дайго — 96-й император Японии (1318—1339). Приставка «го-» означает «следующий», «преемник» (то есть «Дайго II»).

** Кусуноки Масасигэ (?—1336) — самый активный (на стороне императора) военачальник Реставрации Кэмму (1333—1336) с конца сёгуната Камакура до раскола императорского дома на Северную и Южную династии. В 1336 г. был разбит антиимператорскими силами Асикаги Такаудзи (основателя сёгуната Муромати), после чего покончил с собой.

Камон рода Симадзу — Марунодзюдзи

Симадзу — самурайский род XII—XIX вв. На рубеже XVI—XVII вв. Симадзу упорно сопротивлялись Токугаве Иэясу, сохранили свое княжество (Сацума), невероятно разбогатели и дождались своего часа: через 270 лет стали одной из основных движущих сил Реставрации Мэйдзи.

Камон рода Отомо — имбирь или листья абрикоса

Отомо — самурайский род XII—XVI вв., владевший значительной частью о. Кюсю. Вместе с Симадзу Отомо дважды отражали вторжение монголов. В XVI в. активно торговали с португальцами. Но в ходе войн Тоётоми Хидэёси род потерял свои владения.

Камон рода Мори — единица и звезды

Мори — самурайский род, возвысившийся в середине XVI в. при Мори Мотонари (1497—1571). Мори сыграли видную роль в ходе Реставрации Мэйдзи.

Камон рода Такэда — «ромб Такэда»

Такэда — один из родов клана Минамото. Его представители — отдаленные потомки императора Сэйвы.

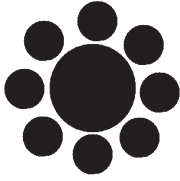
удалось захватить Киото и посадить на престол нового императора Комё*. Приверженцы императора Го-Дайго, бежавшего в Ёсино, собрались около него и когда он умер, то императором признали его сына; таким образом, Япония имела в одно время двух императоров (северного и южного) и раскололась на две части. Все это продолжалось до тех пор, пока представитель южной династии, теряя мало-помалу владения, не решился отказаться от призрачной власти. С этого момента фактическая власть перешла в руки сёгуна Асикага, которого японские историки изображают черными красками. Наш соотечественник Лев Мечников** («*L'Empire Japonais*») заступает за родоначальника этой новой династии. По его мнению, семейство Асикага, в котором видели японского Борджиа, ничем не отличалось от предшествовавших ему династий. Кроме некоторых рыцарских поступков Такэды, предупреждавшего врага о будущем нападении, японские государственные люди все отличались большой неразборчивостью в средствах и дом Асикага не составлял в этом отношении исключения.

В последующем поколении семейства Асикага в Рокуваре (предместье Киото) процветало рисование, которое получило особое развитие при сёгунах Ёсимицу и Ёсимаса***. Живописцы при дворе в Рокуваре играют ту же роль, как и артисты времен Возрождения. На поприще живописи отличаются Каво, Мейцую, Уйзец,

* Комё (1322—1380) — 2-й (1336—1348) император так называемой «Северной династии» («северных претендентов») при сёгунате Муромати (Асикага).

** Лев Ильич Мечников (1838—1888) — швейцарский географ, революционер-анархист, публицист. Брат нобелевского лауреата физиолога И. И. Мечникова.

*** Ёсимицу и Ёсимаса — 3-й (1368—1394) и 8-й (1449—1473, 1489—1490) сёгуны из рода Асикага сёгуната Муромати (1336—1573).

Камон рода Хосокава

Хосокава — самурайский род, ведущий свое происхождение от рода Гэндзи. Возвысился в начале XVII в. при Токугаве. В 1868—1869 гг. воевал на стороне императора против последнего Токугавы. 79-й премьер-министр Японии (1993—1994) Хосокава Мориhiro — 16-й глава рода (с 2005 г.).

**Камон рода Токугава —
«три листка мальвы»**

Токугава — самурайский род, возвысившийся при Токугаве Иэясу (1543—1616) — основателе последнего (1603—1868) сёгуната средневековой Японии.

Кано, Масанобу, Мотонобу*. Процветали при дворе в Рокуваре и литературные занятия. Но во время процветания искусств страна страдала от разных неурядиц, разбойников, морских пиратов, нагонявших страх не только на прибрежное население, но даже и на Китай. Поселяне, не зная как сохранить свою жатву и свое имущество от расхищения и мародерства, бросали свои земли и тоже записывались в разбойники. Сильные феодалы воевали между собой и отнимали друг у друга владения, не обращая никакого внимания на центральную власть. В это время возвысились могущественные даймё Такэда (Косю), Симадзу (в Сацуме), Отомо (Бунго**), Мори, Хосокава, Токугава. Первые католические миссионеры не без некоторого основания давали им титулы королей.

Что касается самого микадо, то значение его упало очень низко. Материальные средства двора были так скудны, что труп 102-го микадо, за неимением средств, оставался непогребенным в течение 40 дней у ворот дворца. Столица страны Киото была в таком ужасном положении, что все, кто только мог, бежали из нее; только самые храбрые решались жить среди развалин, рискуя умереть с голода или от рук убийцы. Частые землетрясения, засухи и голодовки разорили страну вконец. Сносно жилось только буддийским монахам, устроившим себе неприступные твердыни в горах и принимавшим участие в междоусобной борьбе.

**ПЕРВЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ.—
ОДА НОБУНАГА, ТОЁТОМИ ХИДЭЭСИ,
ТОКУГАВА ИЭЯСУ.— ВОЙНА С КОРЕЕЙ**

На это царство запустения и смерти упал луч света, когда в страну явились португальские авантюристы (Мендеш Пинту***) и принесли с собой начала христианства и огнестрельное оружие. Последнее более

* *Каво* — вероятно, Као Нинга, художник-монах первой половины XIV в. Имена *Мейцю* и *Уйзец* атрибутировать не удалось. Под именами *Кано*, *Масанобу* и *Мотонобу* Де-Воллан, вероятно, искусственно «разделил на три» двух художников: основателя «школы Кано» *Кано Масанобу* (1434—1530) и его сына *Кано Мотонобу* (1476—1559).

** *Бунго* — историческая провинция на о. Кюсю, владение принявшего христианство даймё Отомо. После конфискации большая часть земель отошла к роду Курода.

*** *Фернан Мендеш Пинту* (1509—1583) — португальский путешественник, автор памятника португальской литературы «Странствие».

太平記英勇傳

大多上總介平春永公

桓武天皇之後胤平相國實盛の末葉
 大多備後守春秀の男上總介春永、
 其先尾州に僅に領を、今も大不
 同國の産中浦津之助とて、飲軍配
 一凶なる大敵稱、其を浦津間の戦ふ
 打破、後國乳へ、齋藤辰良討、巨利
 家、扶、花、水、永、復、追、三、好、の、剛、敵、と
 碎、其、外、勢、州、が、發、回、の、安、濃、神、戸
 と、降、尾、濃、の、西、國、と、鎮、無、常、都、の
 の、守、護、と、り、愛、令、と、海、内、が、衆、
 既、止、位、若、大、臣、任、下、且、て、江、州、安、
 乳、が、新、城、を、築、勅、使、を、請、む、事、
 わ、り、と、家、臣、高、智、道、秀、が、親、志、の、
 の、役、を、命、じ、れ、り、道、秀、金、銀、美、鹿、と、
 大、く、其、幣、と、ま、り、け、り、家、の、紋、を、深、く、藏、と、
 彼、所、が、張、春、水、衆、の、過、り、と、件、の、暮、の、西、事、と、
 以、不、憤、最、も、取、り、散、々、引、破、尾、從、と、し、道、秀、の、
 面、と、し、と、う、此、他、抜、り、之、高、智、と、憎、と、其、を、深、恨、
 奉、り、竟、の、逆、意、を、全、京、都、回、各、通、の、佛、地、か、り、と、道、秀、が、
 為、小、紙、に、し、ら、ぬ、一、家、略、傳、史、

柳下亭種員記

一
 二
 三
 四
 五
 六
 七
 八
 九
 十
 十一
 十二
 十三
 十四
 十五
 十六
 十七
 十八
 十九
 二十
 二十一
 二十二
 二十三
 二十四
 二十五
 二十六
 二十七
 二十八
 二十九
 三十
 三十一
 三十二
 三十三
 三十四
 三十五
 三十六
 三十七
 三十八
 三十九
 四十
 四十一
 四十二
 四十三
 四十四
 四十五
 四十六
 四十七
 四十八
 四十九
 五十
 五十一
 五十二
 五十三
 五十四
 五十五
 五十六
 五十七
 五十八
 五十九
 六十
 六十一
 六十二
 六十三
 六十四
 六十五
 六十六
 六十七
 六十八
 六十九
 七十
 七十一
 七十二
 七十三
 七十四
 七十五
 七十六
 七十七
 七十八
 七十九
 八十
 八十一
 八十二
 八十三
 八十四
 八十五
 八十六
 八十七
 八十八
 八十九
 九十
 九十一
 九十二
 九十三
 九十四
 九十五
 九十六
 九十七
 九十八
 九十九
 一百

Утагава Кунійси. Ода Нобунага.
 С цветной гравюры. 1830 г.

Ода Нобунага (1534—1582) в 1568 г. захватил императорскую столицу Киото, в 1573 г. разбил силы сёгуна и 9 лет был фактическим руководителем центральной Японии. Провел ряд революционных реформ (ликвидация внутренних таможен, открытие рынков свободной

торговли, составление кадастра земель и т. д.). Успел бы сделать больше, если бы не предательство его лучшего военачальника, Акэти Мицухидэ, который неожиданно напал на своего сюзерена. Силы были неравными — и Нобунага совершил сэппуку.

всего поразило падких на новизну японцев. Японская хроника кратко говорит о появлении кораблей с 220 иностранцами (намбанами), южными варварами страшного вида, говорящими на неизвестном языке. Они были вооружены огнестрельным оружием. В летописях, изданных Клапротом*, говорится: «Корабли южных дикарей (*namban*) начали приходить в Японию, секта Яссо (Иисуса) начала распространяться. Отомо стал последователем этой секты». Японцы произвели на вновь прибывших миссионеров очень хорошее впечатление. В противоположность китайцам, говорят отцы-иезуиты, у японцев развито чувство чести. Они отличаются надменностью и мстительностью. Японский купец никогда не запрашивает. Св. Франциск Ксаверий хвалит японцев за возвышенность души, говоря про них: «Это наслаждение моего сердца».

Во время смут и беспорядков в стране всегда появляются люди, наделенные необыкновенной энергией, большими умственными способностями. Около них группируются талантливые люди, ищущие возвышения, почестей и славы. Так было и в XVI в., когда в раздираемой смутами Японии последовательно друг за другом являются великие диктаторы Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу**.

Красивый и мужественный, высокого роста, но слабого сложения, по словам иезуитов, Ода Нобунага был аристократом по происхождению и мог хвалиться тем, что в его жилах течет кровь знаменитого Киёмори из дома Тайра. Уже в молодых годах он выказал большую самостоятельность и отличался необузданностью и своенравием. Отец выделил его, когда ему было только 13 лет, и поселил его в замке Нагоя*** (Овари) вместе с кэраями (слугами и воинами). Из этого замка Ода Нобунага предпринял

Цукиока Ёситоси. Тоётоми Хидэёси.
С цветной гравюры. Конец XIX в.

Тоётоми Хидэёси (1537—1598) — крестьянин, нанявшийся к Оде Нобунаге «носителем сандалий» (слуга довольно высокого ранга), благодаря честолюбию, труду, таланту и везению сделал головокружительную карьеру: в 1568 г. был назначен сопратителем Киото (вместе с будущим изменником Акэти Мицухидэ), выиграл ряд важных сражений, а после гибели Оды продолжил его дело и к 1586 г. фактически объединил Японию, сломив последовательно оппозицию в клане Оды и сопротивление другого сильнейшего союзника покойного Оды — Токугавы Иэясу, который признал себя вассалом Тоётоми. В 1592 г. Тоётоми заявил, что собирается покорить Корею, Китай и Индию. Начатая им война с Кореей закончилась с его смертью в 1598 г.

* Юлиус Генрих Клапрот (1783—1835) — немецкий востоковед, путешественник и полиглот.

** Токугава Иэясу (1543—1616) — ближайший сподвижник Оды Нобунаги и Тоётоми Хидэёси. После смерти Хидэёси вырезал его род и основал 3-й сёгунат (сёгунат Токугава, или Эдо бакуфу; 1603—1868).

*** Замок Нагоя построен в 1612 г. как главный замок одной из ветвей рода сёгунов Токугава. До 1871 г. — столица княжества Овари.

Реконструкция замка Адзуги.
Конец XVIII в.

походы на своих соседей и без угрызения совести истреблял их огнем и мечом. Учитель его, в отчаянии за будущее, зарезался. Это произвело громадное впечатление на Нобунагу, который несколько недель не выходил из дома. Построив храм на могиле своего учителя, он отказался от прежних забав и стал серьезно знакомиться с военным делом. Под шумок внутренних смут Нобунага увеличивал свои владения. Неразборчивый в средствах, он не брезгал убийством, мстью или изменой для достижения раз намеченной цели. Собрав значительное войско, он вооружил его карабинами, привезенными впервые европейцами. Это дало ему значительный перевес над другими феодалами. Нравственный его авторитет еще увеличился, когда микадо Огимати поручил ему умиротворение страны. Эту миссию исполнил он блистательно и, изгнав из Киото потомка Асикаги, довершил падение этой династии. Железной рукой Нобунага водворил в стране порядок и спокойствие. Он уничтожил подымную подать, натуральную повинность на общественные работы, внутренние заставы и раздавал пособия пострадавшим от неурожая и беспорядков. Драконовскими мерами он старался искоренить взяточничество и воровство, за которые наказывал смертной казнью. Кражи, как говорят японцы, совсем прекратились, и Япония стала походить на Монголию во времена Чингисхана, когда потерянная вещь на большой дороге могла быть найдена владельцем, если бы он вздумал вернуться, и когда каждый мог безопасно спать на большой дороге, положив около себя свои вещи.

По приказанию Нобунаги началась постройка разрушенного императорского дворца и укрепленного замка в том же Киото для самого Нобунаги. Полному умиротворению края мешало буддийское духовенство и распри феодальных владельцев, имевших собственные войска и воевавших между собой. Желая подчинить себе непокорных буддийских монахов, Нобунага взглянул сочувственно на распространение христианства и даже дозволил миссионеру построить церковь, которую он назвал храмом «южных дикарей». Помогая бедным и больным, миссионеры успешно распространяли христианство, и их успехи испугали ревнителей старины. «Не много ли у нас религий,— говорили они,— и зачем нам религия, пришедшая из чужбины?» Нобунага отвечал им на это, что буддизм тоже пришел из чужой

страны, и все-таки оказался благотворным для Японии. Из записок первых миссионеров видно, что Нобунага очень интересовался христианством, но не шел дальше этого, и в религиозных вопросах его веротерпимость была скорее полным равнодушием к религиозным вопросам. Имея в виду только одни политические цели, он не щадил своих противников, и знаменитый монастырь Хиэй-дзан близ Киото был взят войсками Нобунаги и отдан на разграбление. В Осаке была такая же твердыня буддизма в знаменитом монастыре Хонгвандзи, так же как и Хиэй-дзан, сильно укрепленном. И это укрепление не устояло перед Нобунагой. Пользуясь обстоятельствами, Нобунага занял замок своими войсками. Вот почему он в глазах буддистов представляется демоном зла и порочности.

На берегу озера Бива, в Адзуги-яма, Нобунага построил себе дворец, о котором католические миссионеры рассказывают разные чудеса. Воздух в этих местах необыкновенной свежести, в лесах, изобилующих душистыми растениями

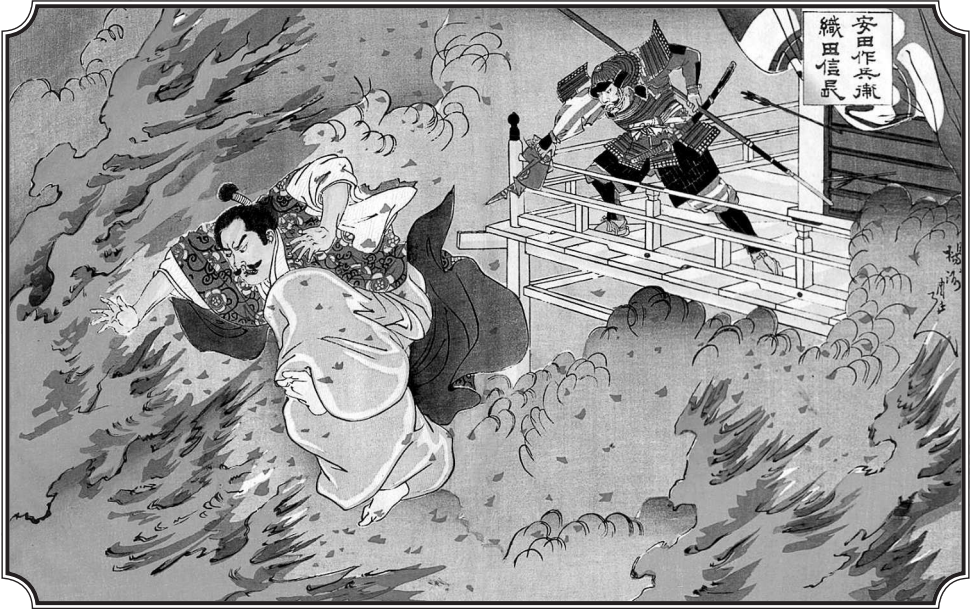
и цветами, водится много дичи. На самой высокой из трех гор построен был замок и дворец Нобунаги. Вершина горы была окружена высокой стеной в 30 локтей высоты, в некоторых местах были башни. Из первых ворот попадали на большую площадь с обширным театром. Красивая каменная лестница вела в зал с разными коридорами. Оттуда открывался красивый вид на город. Раздвижные стены были расписаны картинами. Окна и двери были украшены позолотой и драгоценным лаком. К коридору примыкало большое количество комнат, представлявших настоящий лабиринт. Богатое убранство их тоже изобиловало украшениями из золота, лака и дорогих материй. Второй этаж был предназначен королеве (так иезуиты звали жену Нобунаги). Там опять стены покрыты парчой и украшены рисунками. На третьем этаже рисунки были на золотом фоне; этаж этот состоял из того же количества комнат. Из цитадели открывался широкий вид на всю провинцию Овари и Мино. Все это завершалось ажурным куполом, с массивной короной наверху. Убранство этого купола тоже было роскошно. Лак, по словам свидетелей этого погибшего в пожаре здания, отличался таким блеском, что было больно на него смотреть. Все крыши башни были окрашены в голубой цвет.

Нобунага закончил тем, что построил храм, в котором собраны были идолы всех богов и между ними была золотая статуя самого Нобунаги, под именем Ки-анти (высокий государь). Все его вассалы должны были поклоняться этой статуе.

Достигнув апогея власти, Нобунага вдруг пал под ударом убийц, изменнически окруживших его жилище. Главным виновником этого нападения был один из помощников Нобунаги Мицухидэ (Акэти Корето). Мать этого Корето была когда-то распята Нобунагой, но это не помешало самому Корето пользоваться милостями Нобунаги, который даже подарил ему целую провинцию. Несмотря на щедрые подарки, полученные от Нобунаги, Корето не доверял ему вполне и всегда опасался за свою жизнь. За то, что однажды Корето на пиру отказался от водки, вспыльчивый

Утагава Ёсику. Акэти Мицухидэ (Корето).
С цветной гравюры. 1867 г.

**Тойохара Тиканобу. Ода Нобунага, прыгающий в пламя,
чтобы спастись от Ясуды Сакубея нападающего по приказу Акэти Мицухидэ.
С цветной гравюры. 1898 г.**

и необузданный Нобунага чуть не зарезал его. Это побудило Корето предупредить Нобунагу и, уговорив своих друзей, он изменнически окружил своими солдатами храм, в котором жил Нобунага. Оруженосцы и прислуга Нобунаги, разбуженные ночью, не зная в чем дело, и не пытались защищаться. Сам же Нобунага с несколькими людьми бросился на нападавших, но в это время был ранен стрелой. Вернувшись в храм Хонгвандзи (в Киото), Нобунага зарезался и зажег храм.

Такой трагической смертью умер человек, на которого так рассчитывали миссионеры. Благодаря покровительству Нобунаги христианство уже пустило корни в Японии. Многие владетельные князья на острове Кюсю, прельстившись сначала выгодной торговлей с португальцами, приходившими с большими грузами из Малакки, Филиппинских островов, из Гоа (в Индии) и из Макао, с удовольствием открывали им хорошие гавани. Вместе с успехами торговли разрасталась и проповедь христианства. К концу жизни Нобунаги епископ Валиньян уже разделил Японию на три округа (на главный остров Хондо*, Кюсю, названный у иезуитов Киме, и остров Сикоку). В столице Мияко (Киото) было уже 20 000 христиан, в центральной провинции их тоже было много, в Адзуги-яме, резиденции Нобунаги, было 3 церкви, но больше всего было христиан на острове Кюсю, где первый пример показали владетельные князья. Отомо, владетельный князь провинции Бунго (на острове Кюсю), которого иезуиты называют королем Франциском, почти первый принял христианство. В его столице Фунай католики устроили колонию катехизаторов и имели монастыри. Примеру Отомо последовали князья в Омуре, Ариме, Симабаре, Амакусе и Нагасаки. В Омуре было около 50 000 христиан.

Один из главных сподвижников и полководцев Нобунаги, Хидэёси, получив известие о его смерти, взялся отомстить за смерть своего господина. Мицухидэ отступил перед превосходными силами своего противника, но Хидэёси настиг его и Мицухидэ был убит во время сражения.

* Остров Хонсю.

Покончив с этим делом и устроив пышные похороны Нобунаге, Хидэёси собрал совет из главных вождей Нобунаги. Совет решил назначить преемником малолетнего внука Нобунаги. Из громадного имущества Нобунаги внуку осталось только годового дохода 300 000 коку* рису, все остальные владения были розданы родственникам и приближенным Нобунаги. Управление в Киото было поручено четырем лицам, между которыми самым главным был Хидэёси.

Хидэёси, названный впоследствии Тоётоми, сначала носил имя Хиёси (свет солнца). Отец его был в прежнее время самураем и, бросив военное ремесло, поселился в деревне Накамура в провинции Овари. Мать его из дворянского рода, долго не имея детей, молилась о даровании сына. Перед рождением Хидэёси она увидела во сне, что солнечный свет проник ей в грудь.

Носивший такое громкое имя, тщедушный и маленький, он отличался очень некрасивой наружностью, за которую его называли обезьяной. Иезуиты описывают самого Хидэёси как человека очень маленького роста, довольно толстого и очень сильного. В лице его было что-то ужасное, на руке было 6 пальцев, у него не было бороды и глаза его точно хотели выскочить.

Лишившись отца, Хидэёси поступил в монастырь.

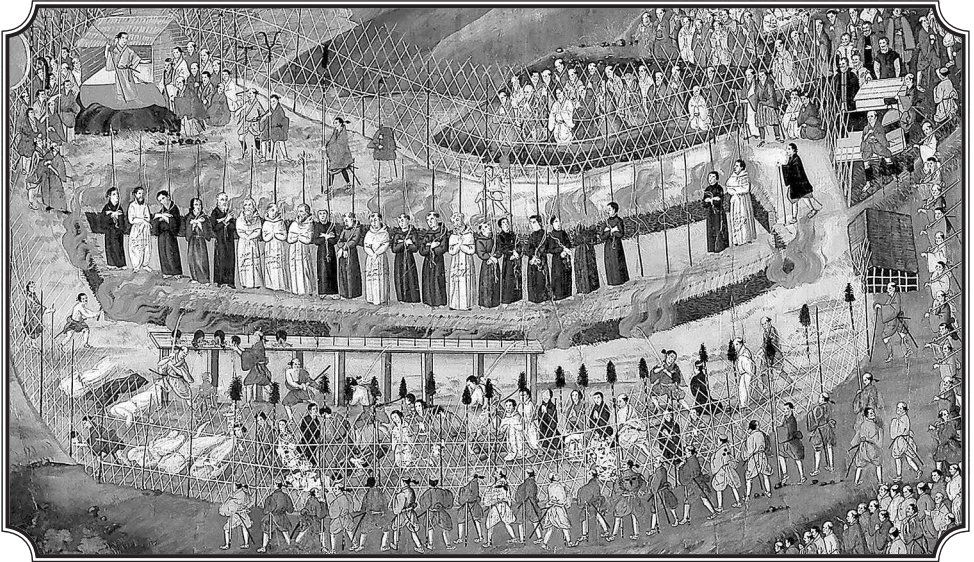
Одаренный большими способностями, Хидэёси надоедал монахам своими шалостями и они грозились отдать его обратно родителям. Монахам он говорил обыкновенно: «Вы все только нищие и я не вижу причины, по которой ребенок, рожденный для чего-нибудь лучшего, должен сделаться нищим». Однажды он должен был принести жертву Амиде. Подойдя к идолу, он сказал ему следующее: «Ты, говорят, помогаешь людям и тебе за это поклоняются, тебе приносят пищу каждый день, но ты ничего не ешь. Не принимая пищи, каким образом ты можешь помогать другим? Если ты не немой идол, то ешь, а то я разобью тебя на куски». Заметив, что пища осталась нетронутой, Хидэёси канделябром ударил идола, у которого от удара отлетела голова. После этого поступка он был возвращен матери, вышедшей вторично замуж.

Перепробовав все ремесла, побывав в горшечниках, плотниках, кузнецах и даже разбойниках, он наконец попал на службу к Нобунаге, который обратил на него внимание. В качестве оруженосца, потом подрядчика он снискал доверие своего вспыльчивого владыки, который из самодурства даже поручил ему командовать отрядом; Хидэёси и тут оказался на высоте своего положения и таким образом сделался одним из талантливых полководцев Нобунаги.

Захватив в свои руки кормило правления, Хидэёси возбудил зависть других полководцев, которые стали строить против него козни. Мы не хотим обременять читателя излишними подробностями, скажем только, что главным помощником в этой борьбе был сын Нобунаги Нобуо**. Но этот Нобуо обратился против Хидэёси тогда, когда последний усилился. Хидэёси действительно владел уже громадным состоянием и имел обширные имения, построив себе укрепленный замок в Осаке. Для постройки этого замка, и теперь поражающего своей циклопической кладкой, были вызваны каменщики из 10 провинций. Отцы иезуиты так описывают замок Хидэёси: за первой стеной на валу, окружающем замок, идут еще две стены. Центральная стена перемежалась башнями, между которыми пятая отличалась особенным великолепием, на крыше была золоченая черепица, а на одной башне

* Коку — чуть больше 180 л. Традиционно считалось, что японец за год съедает 1 коку риса (около 150 кг). Коку риса в средневековой Японии играл роль денежного эквивалента: доходность провинций и жалованье самураев определялось в коку риса.

** Имеется в виду, вероятно, один из 12 сыновей Оды Нобунаги — Ода Нобукацу (1558—1630), неоднократно переходивший от Тоётоми Хидэёси к Токугаве Иэясу и обратно.

Мученики из Нагасаки.
1622 г.

Католическая Церковь развила активную миссионерскую деятельность в Азии после образования испанских и португальских колоний. Гонения на католиков начались в 1587 году. Тоётоми Хидэёси использовал

преследования христиан как ответ на экспансию европейских государств. По приказу Тоётоми Хидэёси были арестованы 26 католиков, которые были казнены 5 февраля 1597 года в городе Нагасаки, Япония.

висели две чудовищные рыбы, чешуя которых была вся из золотых монет (кобан). Эта башня сгорела в 1660 г.

Чувствуя себя не в силах справиться с Хидэёси, Нобуо обратился за помощью к Токугаве Иэясу. Хидэёси тоже старался склонить в свою пользу Иэясу, который предпочел, однако, принять сторону Нобуо. Тогда Хидэёси дипломатическими переговорами добился примирения со своим противником, дал клятву верности Нобуо и усыновил сына Иэясу.

Выступивший на арену политики Иэясу происходил от императора Сэйвы. Для характеристики трех диктаторов, последовательно управлявших Японией, японские писатели рассказывают следующую историю. Ода Нобунага говорил по обыкновению: «Когда я хочу, чтобы соловей пел, а он молчит, то я его убиваю». — «А я жду, чтобы он запел», — говорил Хидэёси. — «А я заставляю его петь», — отвечал на это Токугава Иэясу.

В числе его приближенных было несколько христиан, занимавших очень высокое положение. Он очень любезно принимал представителя Иезуитского ордена и высказался при этом в таком смысле, что он ничего не имеет против того, если половина Японии обратится в христианство. И тут, преследуя главным образом политические цели, он повел разговор о том, что желает приобрести два португальских судна. «Когда их у меня будет 200, то я начну воевать с Китаем и распространять христианство».

Желание иметь португальское судно не получило осуществления. Проездом в Хакату он желал осмотреть одно большое португальское судно, но капитан оно, по случаю прилива, ушел рано из порта. Это рассердило Хидэёси. Другой раз одно испанское судно было выброшено на берег и Хидэёси осмотрел его очень внимательно и много расспрашивал капитана об обычаях Европы.

Указ против христиан не помешал Хидэёси принять отца Валиньяна, явившегося в качестве посланника вице-короля Индии, в торжественной аудиенции (в 1587 г.). В верительной грамоте вице-король благодарил Хидэёси за покровительство, оказанное им патерам, и просил и впредь защищать их от врагов и недругов. Вице-король послал Хидэёси богатые подарки: арабскую лошадь, ружье и т. д.

Покончив с внутренними врагами, Хидэёси стал думать о походе в Корею и Китай. Он надеялся этим походом обессилить феодалов и отвлечь их внимание от внутренней политики. От императора он получил титул кампаку и прозвище Тоётоми*. Современники называли его тайко, или тайко-сама, но это только титул, даруемый отставным кампаку.

Зная миролюбие китайцев, Хидэёси полагал, что завоевание этой громадной страны не представит особенного затруднения. Первым этапом на этом пути должен был быть поход в Корею, и Хидэёси стал готовиться к нему с большой энергией.

Прежде чем начать военные действия, он вошел с корейским правительством в переговоры насчет союза против Китая. Но корейское правительство долго оставалось глухо и даже не посылало посольства в Японию.

Узнав, что какие-то японские пираты ограбили корейцев и увезли женщин в плен, японское правительство возвратило корейцев на родину. Корейцы тогда отправили посольство в Японию. Хидэёси отложил их прием на несколько месяцев. Корейские посланники дают нам описание приема. Они говорят:

«Хидэёси — человек с отвратительным лицом, без всякой представительности. Цвет лица его был темный, из глаз так и сыпались искры. Он сидел на трехъярусной подушке и лицо его было обращено к югу. На нем была шляпа из газовой материи и платье темного цвета. Кругом него находились его придворные. Угощение было очень бедное. Перед каждым был поставлен поднос с горячими рисовыми лепешками (мочи) и рисовая водка (саке) низшего качества в глиняной посуде. Ее обнесли несколько раз. Вскоре Хидэёси ушел за ширму (вернее, занавес), офицеры оставались на местах. Вскоре после этого вышел человек в простом одеянии с ребенком на руках и прошел по залу. Это был не кто иной, как сам Хидэёси. Для забавы ребенка он велел корейским музыкантам заиграть что-нибудь громкое. Заметив после того, что ребенку надо переменить белье, он передал его другому человеку; сам он расхаживал самым непринужденным образом, как будто в комнате не было никого».

Затем посланники поклонились ему, и это был единственный случай, когда они могли видеть Хидэёси.

Письмо, которым Хидэёси снабдил корейское посольство, отличалось той же оригинальностью, как и сам прием. Приводим его почти целиком:

«Эта империя внутренними смутами была доведена до гибели. За несколько лет я водворил в стране мир. Я единственный потомок незнатного рода, но моя мать видела во сне до моего рождения, что солнце вошло ей в грудь. Этот сон предвещает, что все страны, в которых сияет солнце, будут мне подвластны. Как дракон, я покорил все кругом себя. Жизнь человека не длится более ста лет и вот я задумал собрать громадное войско и покорить под ноги империю великого Минга**. Пусть Корея будет нашим передовым отрядом».

Сначала в Корею было послано 150 000 воинов под предводительством двух непримиримых врагов — Като Киёмасы («помощника тигра») и адмирала христи-

* Титул сёгуна ему не дали, несмотря на его просьбы, потому что сёгуном может быть только потомок императора. (Примеч. Де-Воллана.)

** Имеется в виду китайская империя Мин (1368—1644/1662).

анина Кониси. Сам Хидэёси остался в Карацу, где для него выстроили временную резиденцию.

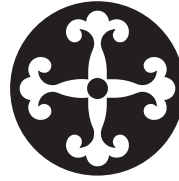
11 июня 1592 г. Кониси высадился в Пусане. Овладев очень скоро корейским укреплением, он двинулся в Сеул — столицу Кореи. Като Киёмаса высадился позднее Кониси и пошел другой дорогой. Корейское войско не оказало сопротивления и рассыпалось. Король решил бежать из столицы. Преследуемый упреками жителей, жаловавшихся на свою незащищенность перед врагом, король бежал с немногочисленной свитой в провинцию, граничащую с Китаем. Для бегства короля нашлись только лошади, взятые в горах. Голодный, под проливным дождем, добрался он наконец до ночлега. Все то, что было взято из съестного, было схвачено голодной стражей и осталось очень мало на ужин королю. Свита должна была довольствоваться простым рисом.

Через три дня после этого Кониси и Като Киёмаса заняли столицу королевства. Вскоре после этого корейцы начали переговоры о мире, но эти переговоры не помешали военным действиям. Китайское правительство решило прислать на помощь Корее отряд в 5000 человек, но этот отряд был разбит японцами. Приход китайского войска оживил корейцев, которые начали снаряжать летучие отряды, сильно беспокоившие японцев. В Китае стали серьезно готовиться к войне, но, желая выиграть время, китайцы предложили японцам заключить мир на выгодных условиях. Обманутые китайцами, японцы попались в ловушку, очистили некоторые позиции и согласились на 50 дней перемирия. По прошествии этого срока, с наступлением нового года, японцам было сообщено, что прибыл посланец, обещавший золотые горы. Японцы очень обрадовались и послали ему навстречу конвой из 30 человек, но каково было их изумление, когда узнали, что высланный конвой перебит. Двое уцелевших японцев сообщили о приближении китайской армии.

Цукиока Ёситоси. Като Киёмаса охотится на тигров в Корее во время Имджинской войны.
С цветной гравюры. Середина XIX в.

Катó Киёмаса (1561—1611) — приемный сын и сподвижник Тоётоми Хидэёси, основатель и первый даймё княжества Кумамото в провинции Хиго. Участник Японо-корейской войны (1592—1598). По слухам, был отравлен агентами Токугавы из-за попыток примирить того с Тоётоми Хидэёри (сыном Хидэёси).

Камон рода Кониси Юкинаги — «оберег Гион» с крестообразной фигурой

Кониси Юкинага (1555—1600) — известный полководец, христианин. Участник корейских экспедиций. После поражения в битве при Сэкигахаре (1600) не совершил сэппуку (в христианстве самоубийство — грех) и сдался Токугаве, по чьему приказу и был казнен.

1593 г. начался успехом китайского войска, но китайские предводители не сумели воспользоваться победой и позволили японцам выйти из крепости. За этим последовали победы корейцев над японцами.

Страна была в жалком положении. Поля оставались незасеянными и населению грозила голодная смерть. Не лучше было положение воюющих армий. И та и другая видели единственное спасение в мире. Опять начались переговоры о мире на следующих условиях: инвеститура Хидэёси со стороны китайского императора, уступка части корейской территории Японии и дань, которую Корея должна была платить Японии.

Китайское посольство отправилось в Нагою, где оно было принято Хидэёси с большим радушием.

Мир не был заключен и, обманутый в своих ожиданиях, Хидэёси велел начать военные действия.

В 1596 г. Кониси прибыл в Японию вместе с китайским посольством. Переговоры были прерваны, когда Хидэёси перевели текст китайской инвеституры, в которой не упоминалось об уступке Кореи.

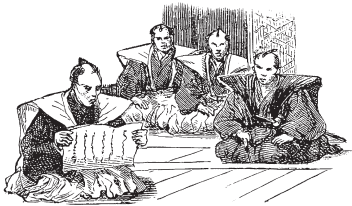
Все это совершенно согласно с китайскими понятиями, потому что для китайцев каждая держава является ничтожеством в сравнении с Китаем. Можно победить китайцев, но они будут писать в своей истории, что какие-то варвары униженно просили у них мира, который они даровали им с большой готовностью. Такова форма китайской дипломатии. Так было и теперь.

В китайской инвеституре говорилось об униженных просьбах диктатора Японии, которому, в виде особой милости, давали титул вана (князя). Его же назначили министром китайской империи и поручили ему оберегать империю.

Тон этой инвеституры не мог понравиться самолюбивому Хидэёси, который страшно вспылал и велел китайскому посольству немедленно собираться в доро-

гу. Бонзы и князя подействовали примиряющим образом на Хидэёси, который решил выместить всю свою злобу на корейцах и стал готовиться к новому походу в Корею.

У японцев было около 130 000 войска. Удачным маневром он овладел корейским флотом и, взяв крепость Намвон, двинулся к столице. С наступлением холодов положение японцев изменилось к худшему, да и китайцы появились снова со свежими силами. Они направились к крепости Ульсан, которую занимал Като Киёмаса, и осадили ее с превосходящими силами. Вследствие недостатка провизии японцы под конец осады, истощив все запасы, начали жевать землю и делать вылазки, чтобы добыть несколько припасов. Хидэаки* явился на выручку, и китайцы, завидев японское войско, поспешно удалились. Они были разбиты японским полководцем в Сачхоне**. Неделю спустя пришло известие о смерти Хидэёси*** и японские войска вернулись на родину.

ВЛАСТЬ ПЕРЕХОДИТ К СЁГУНАМ ИЗ ДИНАСТИИ ТОКУГАВА.— ЗАМКНУТОСТЬ ЯПОНИИ В ТЕЧЕНИЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Как за Цезарем следует Август, который, воспользовавшись трудами своего предшественника, основывает новую династию, так и за честолюбивым Хидэёси, мечтавшим о завоеваниях, последовал осмотрительный и осторожный Токугава Иэясу.

Нобунага считал выгодным для себя не ссориться с сильным феодалом Иэясу и заключил с ним союз против других своих противников. Во время диктатуры Хидэёси Иэясу держался в тени. Породнившись с великим диктатором, он получил от него Канто и славился как хороший полководец. Военное ремесло было, впрочем, не по душе Иэясу, который отличался тучностью и больше всего любил заниматься науками. Со смертью Хидэёси он выступил на первый план.

Он не был талантливым выскочкой, как Хидэёси, и мог хвалиться своим происхождением от императора Сэйвы (859—876). Единственной помехой полновластья Иэясу являлся 6-летний сын Хидэёси — Хидэёри. Хидэёси, считая Иэясу единственным человеком, способным поддержать порядок в Японии, в своем завещании назначил его опекуном малолетнего Хидэёри. Другие феодалы, сдерживаемые до сих пор твердой рукой Хидэёси, не хотели подчиниться авторитету Иэясу и стали готовиться к войне. Решительным сражением в Сэкигахаре Иэясу разбил превосходящие силы своих противников (180 000) и упрочил власть за собой и за семейством Токугавы на целые 250 лет.

Это сражение и разные драматические эпизоды, сопровождавшие падение домов Исида, Хосокава и т. д., послужили предметом японских трагедий. В числе побежденных был и знаменитый Кониси, который вместе с Исидой подвергся смертной казни. Получив в 1603 г. титул дай-сёгуна (т. е. великого сёгуна), Иэясу

* *Кобаякава Хидэаки* (по прозвищу Кинго; 1577—1602) — племянник и приемный сын Тоётоми Хидэёси. Умер при подозрительных обстоятельствах, вероятно по приказу Токугавы, «защищавшего» потенциальных конкурентов после смерти Тоётоми.

** 6—11 ноября 1598 г.

*** Тоётоми Хидэёси умер 18 сентября 1598 г. Вряд ли известие о его смерти добиралось до Кореи два месяца. Скорее всего, оно было получено еще в сентябре и на момент сражения моральный дух самураев уже был ослаблен.

постарался изолировать двор и все дела подчинил исключительно себе и своей династии. Иэясу постановил, что сёгуну должны докладывать императору о политических делах. Он один отвечал за все бедствия. Он отменил поездки императора на богомолье. Эти поездки предпринимались отчасти для того, чтобы императоры во время пути сами могли видеть народные нужды. Даймё, или владетельным князьям, запрещается являться во дворец. Западным даймё запрещается проходить через Киото. В случае ослушания им грозит конфискация имущества. Даже для осмотра Киото даймё должны испрашивать разрешения сёгуна. Основав потом столицу Иеддо (нынешний Токио), Иэясу обязал всех владетельных князей построить там дворцы и полгода пребывать в этих дворцах, а в случае отсутствия оставлять заложниками своих жен и детей. Желая упрочить за своим семейством титул сёгуна, Иэясу передал в 1606 г. этот титул своему сыну Хидэтаде и поселился в замке Сидзуока. Живя в уединении среди книг, изучая древность, Иэясу давал советы своему сыну и направлял политику Японии. При нем и при его преемниках каждый сёгун являлся на поклонение императору и таким образом утвердились в стране две власти. Двор сёгуна отличался необычайным блеском.

Императорский дворец, окруженный садом, сделался постоянной резиденцией микадо. Он выходил очень редко из пределов дворца, и когда это случалось, то носилки его были закрыты и народ не мог видеть его, а мог только молиться ему, как богу. Пришло время, когда в народе установилось мнение, что всякий, который взглянет на него, должен ослепнуть. И этот полубог в золоченой клетке не имел никакой власти, которая всецело перешла к тому, которого иностранцы называли тайкуном, т. е. великим князем.

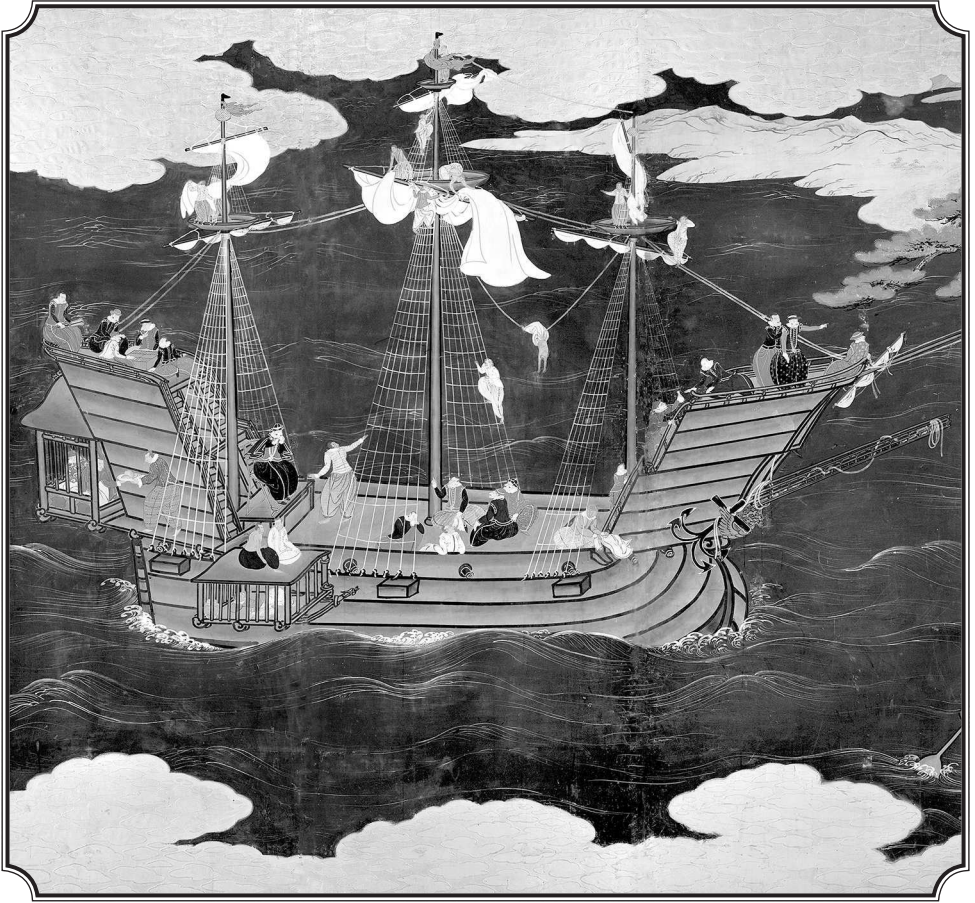
Иэясу поощрял торговлю и хотел завязать торговые сношения с Китаем и другими странами. В 1600 г. появились впервые голландцы и Иэясу очень много расспрашивал их капитана об обычаях страны. Также радушно принял он англичан. Англичанин Адамс*, получивший от Иэясу титул и землю в Цуруге, десять лет оставался в Иеддо (Токио) в качестве советника сёгуна по иностранной политике, постройке судов, профессором языков и литературы.

От голландцев и англичан японцы узнали впервые, что и в среде христиан существуют распри.

*Кано Танъю. Портрет Токугава Иэясу.
Фрагмент свитка. XVII в.*

* Уильям Адамс (1564—1620) — английский мореплаватель, известный в Японии как капитан (лоцман) Миура, в 1600 г. первым из англичан достиг Японии, не был отпущен, но зато стал советником Токугавы Иэясу и самым влиятельным иностранцем в Японии.

Кано Санраку. Прибытие португальского корабля в Японию.
Фрагмент левой части ширмы намбан. Начало XVII в.

Японцы рассудили, что торговые выгоды можно соблюсти, если сойтись с более благоразумными голландцами и англичанами, равнодушными к религиозным вопросам. Положение обострилось оттого, что матросы с португальского судна подрались с японцами. Иэясу велел примерно наказать их, и португальский капитан, уходя от японцев в море и застигнутый ими, взорвал судно.

Хидээри, женатый еще ребенком на внучке Иэясу и получивший от отца большое богатство, жил в укрепленном замке в Осаке. Он и окружающие его люди представляли единственную опасность для Иэясу и его детей. Иэясу постарался прежде всего вовлечь Хидээри в большие расходы по постройке храма. После визита Хидээри, которого очень обласкал Иэясу, умерли загадочной смертью Като Киёмаса и Асано*, ближайшие друзья Хидээри.

Воспользовавшись первым случаем для неудовольствия, Иэясу, действуя хитростью и ловкостью, овладел Осакским замком, казнил сторонников Хидээри и забрал все его сокровища.

* Асано Нагамаса (1546—1611) — один из главных советников Тоётоми Хидэёси и покровитель его сына Хидээри. Возможно, был отравлен по приказу Токугавы, собиравшегося расправиться с Хидээри (Токугава был сёгуном, но формально — вассалом Тоётоми Хидээри, что сильно ему досаждало).

Кано Санраку. Прибытие португальского корабля в Японию.
Фрагмент правой части ширмы намбан. Начало XVII в.

Во время этой борьбы открылся заговор против Иэясу. Заговорщики были христианами. В числе их были владетельный князь в Ариме и наложница Иэясу. Виновники были приговорены к смертной казни, но Иэясу помиловал их и послал в изгнание.

Иэясу умер 74 лет от роду и после смерти микадо возвел его в *дай-гонгэн* (высочество первой степени, свет востока, великое воплощение Будды). В потомстве он стал известен под именем Гонгэн-сама, и ему, наравне с другими ками, возносятся молитвы верующих.

По смерти Иэясу сёгун Хидэтада действовал в духе отца. В 1619 г. иностранная торговля была ограничена городами Нагасаки и Хирадо. В 1621 г. японцам запрещено было покидать страну. Что касается христианства, то рассказывают, что Хидэтада послал в Европу Иби-Масса-иоси* с тем, чтобы он собрал самые подробные сведения о христианстве. Иби-Масса-иоси вернулся после шестилетнего отсутствия и был сейчас же призван для доклада к сёгуну. Последний слушал его внимательно день и ночь. Когда придворные заметили сёгуну, что он утомляет себя, он будто бы ответил: «Что значит моя усталость в сравнении с тем, что перенес этот человек, путешествовавший по моему поручению».

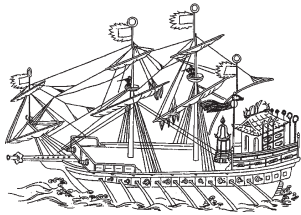
* Имеется в виду, вероятно, глава первого официального японского посольства в Америку и Европу (1613—1620) Хасэкура Цунэнага (1571—1622), на что указывает, в частности, длительность миссии — 7 лет.

Сёгуну Иэмицу приписывают изречение: «Если моя династия погибнет от внутренних смут, то это будет великое несчастье для меня, но если одна пядь нашей территории перейдет иноземцам, то это будет срам для империи и великое народное бедствие».

Иэмицу приказал применять ко всем иностранцам испытание, называемое *фуми-э**. Они должны были ногами топтать доску в виде креста с изображением Спасителя. И голландцы, допущенные в Дэдзиму, подвергались этому испытанию. Голландцы после 1691 г. находились в Дэдзиме точно в плену, под постоянным присмотром японских чиновников. Сношения их с внешним миром подвергались самому строгому и придирчивому контролю.

Португальцы в Макао, для которых торговля с Японией была так выгодна, решились отправить посольство в Японию. Когда посольство, снаряженное с большой пышностью, появилось в Нагасаки, то губернатор этого города встретил португальцев с большим радушием. Под разными предлогами у них отобрали ружья, снесли с судна всю артиллерию и когда португальцы съехали на берег, то их взяли под стражу и казнили всех, за исключением 13 человек. Отобрав все подарки, японцы сожгли португальское судно и отправили оставшихся в живых португальцев в Макао. «Пока солнце освещает землю, — говорилось в японском приказе, — такое наказание грозит всякому, который даже в качестве посла осмелится переступить порог Японии».

С этого момента начинается полная замкнутость Японии. Только китайцы и голландцы поддерживали торговые сношения с Царством восходящего солнца.

ПРОБУЖДЕНИЕ ЯПОНИИ. — ПОЯВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ. — РЕСТАВРАЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

В первой половине нынешнего столетия иноземцы настойчиво стучались в дверь Японии, которая, несмотря ни на какие старания, оказывалась герметически закрытой.

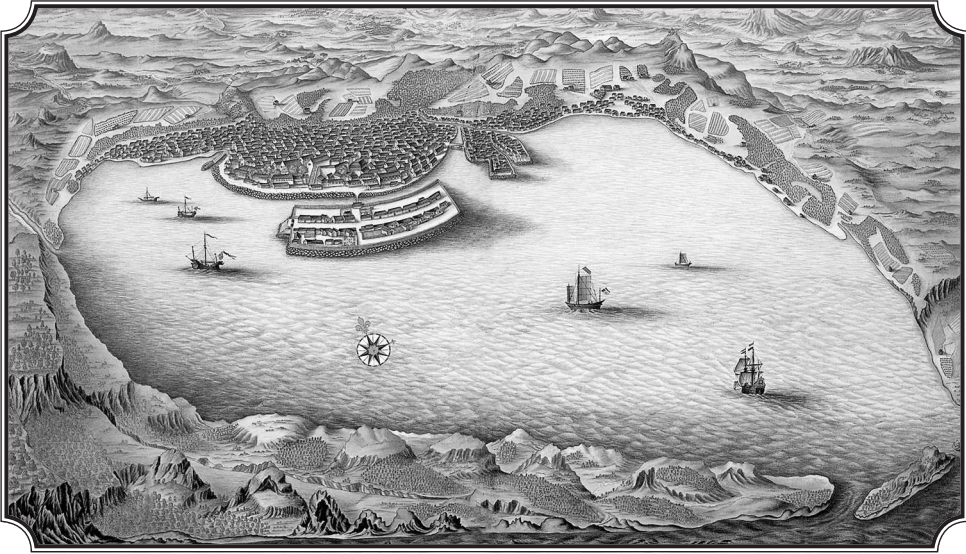
До американцев в Нагасаки на военном судне прибыл голландский уполномоченный, который в письме сёгуну объяснил, что надо открыть европейцам 5 японских портов. Англия, говорилось в письме, сумеет поставить на своем, и в настоящее время, благодаря пароходам, расстояния уже не существуют, и Япония не устоит в этой борьбе с европейскими державами. Сёгун, получив письмо, сильно этим опечалился, но не решился отменить прежний закон.

В марте 1846 г. пришли два американских военных судна и произвели ошеломляющее впечатление на жителей Иеддо. Суда казались японцам огромными железными крепостями, с которыми бороться невозможно (так, например, Окубо** донес сёгуну). 23 июня 1853 г., к ужасу японцев, пришел отряд из четырех судов под предводительством адмирала Перри***. Последний повел дело энергично и, вручив

* *Фуми-э (ист.)* — обряд попраения ногами изображений Распятия или Девы Марии как доказательства того, что человек не является христианином (*яп. фуми* — 1) «шагать, ступать», 2) «давить; топтать»; *э* — «картина»).

** Вероятно, кто-то другой: Окубо Тосимити, будущему советнику императора, в 1846 г. было лишь 16 лет.

*** *Мэтью Колбрайт Перри* (1794—1858) — коммодор ВМС США, военный реформатор («отец парового флота США»). Его дипломатическая миссия в Японии завершилась подписанием Канагавского договора (1854), положившего конец изоляции Японии.

Кано Санраку. Остров Дэдзима и город Нагасаки.
С цветной иллюстрации из Большого атласа Яна Блау. 1667 г.

Дэдзима (реже Дэсима) — искусственный остров в бухте Нагасаки, построенный японцами в 1634 г. по приказу сёгуна Иэмицу как торговая и складская площадка для португальских купцов. После восстания японских христиан в 1637 г. все

иностранцы-христиане были из Японии изгнаны: начался 230-летний период изоляции страны. Исключение сделали лишь для голландцев, которые помогли в подавлении восстания и не занимались миссионерством.

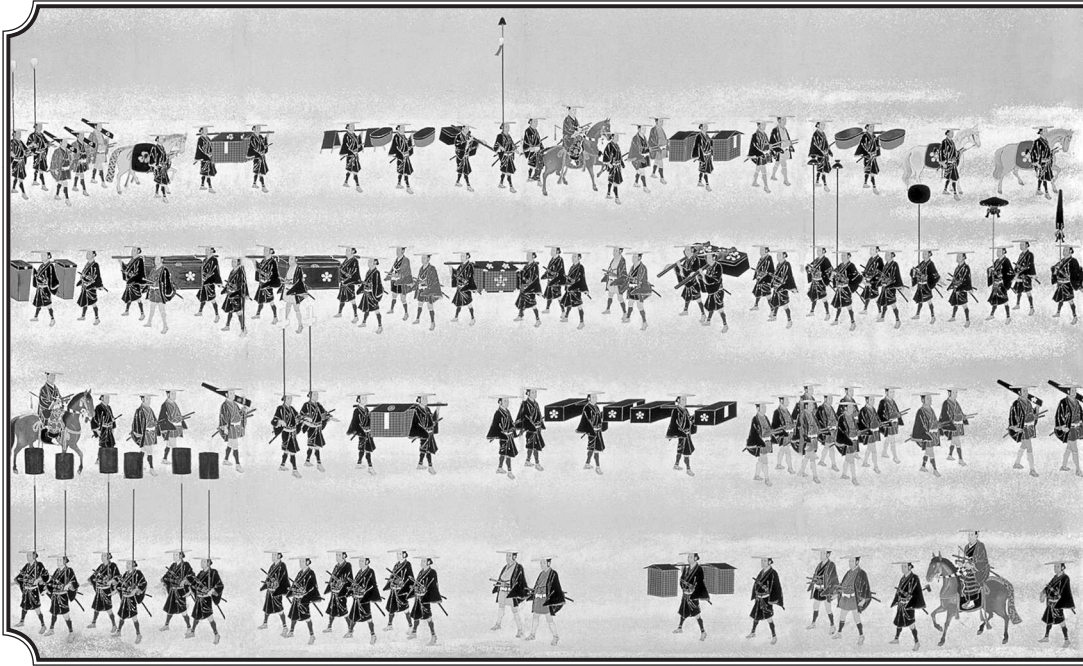
письмо президента высокопоставленным чиновникам (с мелкими он не захотел иметь дела), обещал прийти за ответом через год. 6 февраля 1854 г. Перри опять пришел в порт Симода, но уже с 7 военными судами. После некоторого колебания правительство сёгуна решилось открыть американцам порты Симода и Хакодате*, а летом того же года был подписан трактат с Соединенными Штатами. В январе 1855 г. адмирал Путятин пришел с эскадрой в Симоду и 26 января был подписан трактат, определявший границы между Японией и Россией. По этому трактату было открыто для русских три порта: Симода, Хакодате и Нагасаки.

Император, узнав о заключенных трактатах с Америкой и Россией, остался недоволен нарушением старых законов об иностранцах. Но делать было нечего: как ни сопротивлялись японцы, брешь была сделана и трактаты с иноземными державами последовали один за другим, все расширяя и расширяя права иностранцев.

«Иностранец, который увидел бы, — говорит Буске**, — тридцать лет тому назад феодальный режим в Японии, без колебания предсказал бы ему долговременное существование. Все причины, пошатнувшие у нас феодализм, казались устраненными. Здесь не было религиозных споров, династического соперничества, философских и народных протестов против божественного права, не было также громадного промышленного развития и стремлений к равенству. Каждый класс

* Симода — порт на западе о. Хонсю; Хакодате — главный город и порт о. Хоккайдо.

** Жорж Буске (1846—1937) — французский юрист, помогавший в 1870-х гг. другому французцу Г.-Э. Буассонаду (см. далее) кодифицировать японское законодательство и привести его в соответствие с требованиями вестернизации Японии. По возвращении во Францию издал цитируемую Де-Волланом книгу: *G. Bousquet. Le Japon. De nos jours et les échelles de l'extrême orient. 1877.*

был счастлив в установленных для него границах; всеобщее довольство, отсутствие поводов к крестьянским восстаниям, простота нравов мешали революционным агитациям и созданию плутократии. Народ легко переносил вековое отеческое иго, свободный для наслаждений и бессильный для беспорядка, с наслаждением предаваясь усиленным удовольствиям. Все отношения между различными общественными элементами регулировались методически и соблюдались с той же точностью. Все в государстве и стране двигалось по метроному, и если счастье народов состоит в неподвижности, то это был золотой век, которому не было равного в другом месте».

И при всем том тайный недуг подтачивал государство. Меры, принятые против честолюбия феодальных владельцев, привели их к изнеженности. Подобно тому, как сёгунская власть очутилась в руках неспособных и ленивых правителей, так и владетельные князья (даймё)* уже давно отказались от правительственных забот и передали все дела в руки «каро», или министров. Власть, таким образом, уже не была уделом тех, которые являлись ее истинными представителями. Несмотря на шпионство, даймё интриговали и ждали только благоприятного момента, чтобы выступить против Токугавской династии. Прежние фудай** (сацумский князь, князь Мори) считали Токугаву узурпатором и им сочувствовала национальная

* Кроме 18 главных кокусю [кокусю (яп., ист.) — самые высокопоставленные, богатые и влиятельные даймё: главы провинций. Ред.] даймё разделялись на тех, которые были князьями до Иэясу (то сама) и на главных вассалов сёгуна (фудай), получавших от него лены. Самураи разделялись на следующие классы. Хатамото — самураи, собиравшиеся под знаменем сёгуна и его приближенных. Хатамото получали довольно значительные доходы от 100 до 100 000 коку рису; из них выбирали губернаторов, предводителей войска и высших чинов военной службы. Гокэнин тоже самурай, но не имевший счастья лицезреть сёгуна. Затем идет многочисленный класс самураев, имевших право носить две сабли и получавший от своего сюзерена иногда только дневную порцию. (Примеч. Де-Воллана.)

** Фудай (яп. «исконный») — привилегированный самурайский статус наследственных вассалов дома Токугава.

Процессия Даймё Гёзу княжества Кага.

Складная 8-створчатая ширма художника из Канадзавы эпохи Мэйдзи

Всего изображено 473 человека, 14 лошадей и 4 паланкига-каго.

Человек на белом коне во втором сверху ряду — правитель княжества Кага из рода Маэда. Иногда процессия была огромной, в общей сложности в 2000 человек. Эти поездки требовали от феодалов боль-

ших средств, времени и усилий. Система санкин котай была установлена законом в 1635 году, а ликвидирована в 1862 году. Она предоставляла сёгунам контроль над даймё, способствовала централизации управления страной и обеспечивала долговечность сёгуната.

партия в государстве. Самураи завидовали хатамото, т. е. самураям сёгуна, занимавшим везде первые места.

И крестьянству* не особенно хорошо жилось при этих порядках. С доходов земли крестьянин платил от 40 до 50 процентов. Вооруженные люди не давали ему покоя на больших дорогах и, чтобы избежать излишних работ, крестьяне прятались или бежали в горы. Когда по большим дорогам проезжали даймё или губернаторы со своей многочисленной свитой, то путь очищался герольдами, бежавшими впереди шествия и кричавшими «сита-ни» (книзу). Все знали, что это значит и точно по команде садились на корточки в сторонке. Свита у даймё была многочисленная. Впереди всех шли 12 вооруженных людей, два трубача, два барабанщика, 8 человек с кремневыми ружьями, два человека с амуницией, два человека со стрелами, 8 стрелков из лука, три самурая, люди с пиками. Самого даймё несли на носилках (норимоне) или он ехал верхом. За ним несли его вещи. Несколько человек несли его сандалии, его зонтики, багаж, походную кухню. В конце несли

* Весь народ разделялся на крестьян, ремесленников и купцов. Купцы занимали место ниже крестьян. За ними шли парии — эта: кожевники, по японским понятиям осквернившие себя тем, что прикасались к свежей коже. Хинин — нищие, уносящие мертвых в местные кладбища. (Примеч. Де-Воллана.)

соломенные башмаки для лошадей*. Шествие состояло из ста двадцати и более людей. Попасться на пути этим вооруженным людям было не всегда безопасно. В один момент они нападут на безоружного человека и разрубят его на куски. Где же искать суда и расправы против таких сильных людей? В горах не было житья от буйных самураев, которые, встретившись с купцами, позволяли себе многое и при первом несогласии хватались за саблю. Если убит какой-нибудь купец, то на это никто не претендует, похоронят его — и дело с концом.

Уступка, сделанная сёгуном, вызвала среди вооруженного класса всеобщее неудовольствие. Самураи почувствовали себя оскорбленными дерзким посягательством иностранцев. В стране началось брожение, которое выразилось насильственными действиями против иностранцев.

Делами сёгуна правил тогда всемогущий министр Ии Наоскэ (Ии-камон-но-ками)**. После смерти сёгуна он поставил в сёгуну 12-летнего Иеси-фуку-даймё*** из провинции Кий, несмотря на оппозицию ближайших сёгуну домов (Овари, Кий и Мито). Микадо покровительствовал этим домам и настоятельно требовал от сёгуна изгнания варваров. Ии-камон-но-ками очень хорошо понимал, что изгнание варваров не такое легкое дело и железной рукой сломил сопротивление протестующих принцев.

В то время, когда власть всемогущего министра окрепла, несколько ронинов решились пожертвовать своей жизнью для блага отечества. Убийцы выбрали то время, когда министр с многочисленной свитой отправился во дворец. В это время шел снег и конвой министра не обратил внимания на убийц, приняв их за обыкновенных просителей. Впереди шествия произошло нападение. Пользуясь всеобщим смятением, убийцы направились к паланкину, в котором находился министр и, отрубив ему голову, искали спасения в бегстве. Голова Ии-камон-но-ками была отвезена в Киото и выставлена на лобном месте с такой надписью: «Это голова изменника, нарушившего самые священные законы Японии, встречающие иностранцам доступ в страну».

Выставка головы продолжалась несколько часов, после чего она была отвезена в Иеддо и брошена за стену дворца Ии-камон-но-ками.

После этого участились нападения на иностранцев. 14 января 1861 г. был убит секретарь американской миссии. 5 июля ронины напали на английскую резиденцию в Таканаве, причем было несколько раненых и убитых.

Представители Англии, Франции и Голландии переехали в Йокогаму под защиту военных судов. Английские войска квартировали тогда в Йокогаме. Агитация расширялась благодаря антагонизму, существовавшему между императором и сёгуном. Император настойчиво требовал удаления иностранцев, а сёгунская власть считала себя не в силах это сделать.

В 1863 г. произошло новое нападение и убийство. Несколько англичан из Йокогамы катались верхом по большой дороге и встретили на пути шествие сацумского даймё. Вместо того чтобы посторониться, англичане продолжали свой путь. За такую дерзость самураи изрубили купца Ричардсона и ранили несколько англичан. Английский посланник потребовал 300 000 долларов вознаграждения от сёгуна и 25 000 долларов от сацумского князя. Эти требования не были исполнены. Тогда

* В Японии вместо подков во многих местах лошадям надевают соломенные башмаки. (Примеч. Де-Воллана.)

** Ии Наоскэ (1815—1860) — старший старейшина (тайро) сёгуната Токугава (всесильный министр при марионетке — сёгуне Токугаве Иэмоти). Без согласия императора подписал с иностранными державами неравноправные договоры, которые покончили с изоляцией Японии. Справедливо считал, что торговля поможет Японии модернизировать армию. Был убит заговорщиками.

*** Имеется в виду Токугава Иэмоти (Кикутитэ, Ёситоми; 1846—1866).

Хаякава Сёдан. Убийство в Намамуги.
(В центре — Чарльз Леннокс Ричардсон).
С цветной гравюры на дереве. 1877 г.

Чарльз Ричардсон (1834—1862) — английский купец. С 1853 г. жил в Шанхае. Был убит сацумскими самураями во время остановки в Японии по дороге в Англию. После нескольких отказов

сацумского даймё выплатить компенсацию английская эскадра в 1863 г. сожгла столицу Сацумы Кагосиму (сгорело 500 домов) и получила компенсацию в 25 тыс. фунтов.

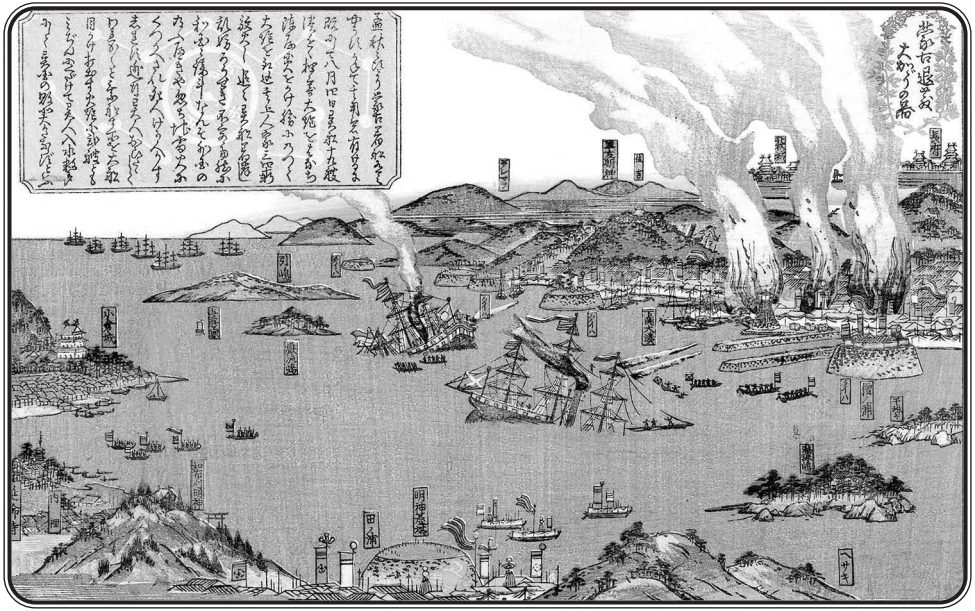
английская эскадра, состоящая из 10 судов, пришла и бомбардировала Кагосиму и сожгла резиденцию сацумского князя.

Так же энергично поступили европейцы с князем Мори. По его приказу симоносекские батареи открыли огонь по европейским судам, проходившим Симоносекский пролив. Отряд из 18 американских, французских и датских судов пришел в Симоносеки, разрушил батарею и высадил десант. Подчиненные князя Мори доказывали им, что они действовали по приказу императора и сёгуна. Последствием этого было новое требование, предъявленное к сёгуну, об уплате 300 000 долларов.

В Нагато началось восстание и к этому восстанию хотел примкнуть сацумский князь. Сёгун, чувствуя себя не в силах справиться со всеми затруднениями, просил императора позволить ему удалиться от дела, но император этого не позволил и настаивал на окончании дела в Нагато.

Двор и некоторые владетельные князья играли в это время в двойную игру. С громкими криками требуя от сёгуна изгнания иностранцев, они очень хорошо понимали, что это невозможно. Да этого и не нужно было. Изгнание иностранцев было только лозунгом, собиравшим недовольных и сеявшим смуту в стране. Ближайшие доверенные императора* и князья думали таким способом избавиться от ненавистного им сёгуната. В стране давно уже началась агитация против сёгунской власти; японские историки и публицисты уже давно проповедовали о том, что власть должна вернуться к ее законному представителю — микадо (императору), и это мнение находило себе все более и более приверженцев в стране.

* Действующими лицами в этом перевороте были второстепенные деятели. Те, которые потом, как Ито, Иноуэ и др., играли первую роль. (Примеч. Де-Воллана.)

Битва при Симоносеки.
С цветной гравюры. 1863 г.

Симоносеки — центр провинции Нагато до середины XIX в. В период Эдо (1603—1867) эта территория принадлежала самурайскому роду Мори — одному из ведущих участников Реставрации Мэйдзи.

В 1863—1864 здесь произошел вооруженный конфликт между княжеством Тёсю и коалицией четырех западных государств — Великобритании, Франции, Голландии и США.

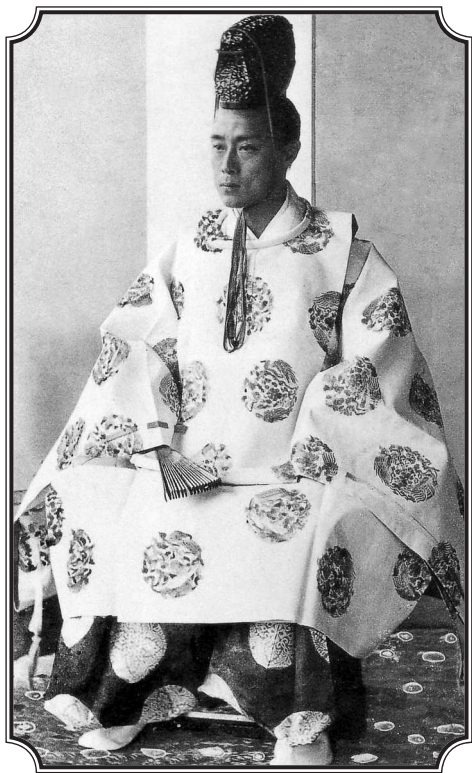
Руководителями движения были: кугэ Сандзё и Ивакура, самурай Кидо из Тёсю, Сайго из Сацумы, Итагаки из Тосы.

20-го января умер император Комэй и его место заступил ныне царствующий император Муцухито, вступивший на престол в 15 лет.

В Иеддо в это время был новый сёгун Хитоцубаси Ёсинори. В сентябре 1867 г. владетельный князь Тоса обратился к сёгуну с письмом, в котором говорилось: «Верни власть в руки государя и этим положи основание, на котором Япония может стать ровень с другими державами».

Совет этот был принят и сёгун разослал циркуляр, в котором он говорил, что не в состоянии управлять Японией и намерен передать власть в руки императорского двора. 7 ноября 1867 г. он просил императора освободить его от должности. Его отказ от правительственной власти был принят императором*, который 22 декабря 1867 г. объявил, что должность сёгуна отменяется и что с этого дня управ-

* В этой борьбе императорской власти с сёгунской очень деятельную роль принимали южные князья (или их министры) Сацума, Тёсю и Тоса. В. Brandt, издавший недавно свою книгу «Dreiunddreissig Jahre in Ost-Asien» (Тридцать три года в Восточной Азии, 1901, т. II, с. 160), говорит, что эта борьба Юга и Севера (бывшего за сёгуна) не обошлась без вмешательства Англии. Сэр Харри Паркс (Parkes), бывший тогда представителем Англии, заметив, что французский представитель сумел себе создать совсем исключительное положение при сёгунском правительстве, которое поручило французам реорганизацию армии, постройку доков, литейного завода, маяков, судов и т. д., обратил свое внимание на южных феодалов и поддерживал их в борьбе с сёгунством и с северными князьями, несмотря на то, что Юг с большим ожесточением требовал изгнания иностранцев (Примеч. Де-Воллана.)

Токугава Ёсинобу.
Фотография. 1867 г.

Токугава Ёсинобу (1837—1913) — последний сёгун Японии.

Харада Наодзиро.
Портрет Сандзё Санэтоми.
Вторая половина XIX в.

Князь *Сандзё Санэтоми* (1837—1891) — представитель знатнейшего рода придворной аристократии, ярый сторонник восстановления императорской власти. После Реставрации Мэйдзи — удайдзин (правый министр, 1869—1871), дайdzё-дайdzин (1871—1885), найдайdzин (министр внутренних дел, 1885—1911) в кабинете Ито.

ление Японией будет исключительно в руках императора. Этот государственный переворот был очень ловко подготовлен ближайшими советниками императора. Защита императорского дворца была поручена до сих пор войскам айдзуского даймё, родственника бывшего сёгуна. Эти войска были устранены и вместо них поставлены войска сацумского и тосаского князя. Князю Мори (Нагато) были возвращены его чины и отличия, и войско его двинулось в Киото.

Приверженцы Токугавы усмотрели в этом государственном перевороте посягательство на их права и схватились за оружие. Они убедили бывшего сёгуна, что надо прежде всего устранить дурных советников императора. Хитоцубаси двинулся к Киото с 30-тысячным войском. Императорская партия имела в распоряжении только 6500 человек. Тем не менее победа осталась на их стороне и токугавцы в беспорядке отступили. Хитоцубаси вместе с князьями Айдзу, Каваси и другими даймё бежали в Иеддо.

5 февраля в Киото собрали совет, объявивший бывшего сёгуна бунтовщиком и лишенным всех его должностей. Главнокомандующим был назначен дядя императора, императорский принц Арисугава-но-мия*. Иностранным державам

* *Арисугава-но-мия Тарухито-синно* (1835—1895) — представитель одной из младших ветвей японской императорской фамилии (синнокэ), 9-й глава дома Арисугава-но-мия (1871—1895), впоследствии начальник Генштаба (1885—1888, 1889—1895).

было сообщено о перемене, происшедшей в государстве, и о том, что и новое правительство признает трактаты, заключенные с иностранными державами. Иностранные представители объявили, что они будут придерживаться строжайшего нейтралитета. Их оповестили, что молодой император будет очень рад дать им торжественную аудиенцию во дворце. В то время, когда представители Франции, Англии, Соединенных Штатов и Голландии направлялись ко дворцу, на английского посланника бросились два фанатика.

Это не помешало, однако, правительству микадо объявить всенародно, что отношения к иностранным державам остаются прежние. Значит, никто и не думал теперь об изгнании варваров.

В Киото был организован Верховный совет, и один из главных советников, Окубо*, высказал императору о необходимости идти вровень с требованиями времени. «Император,— говорит Окубо,— жил до сих пор за ширмами и никогда не касался земли. Как божество, заключенное в золотой раке, он не заботился о земных делах и шум внешнего мира не проникал в его священную обитель. Только небольшой круг придворных имел доступ к нему и это не может быть согласно воле неба. Хорошо уважать верховного владыку государства, но это уважение не должно создавать пропасти между государем и народом; да, надо откинуть торжественный этикет, и да господствует простота!»

Ввиду этого Окубо советовал императору переехать временно в Осаку. До коронации императора повели в Дайдзёкан для присяги перед двором и феодальным дворянством. Там он призывал в свидетели души предков и дал торжественную клятву в том, что он созывает совещательное собрание и что все органические законы будут предложены на одобрение общественного мнения, старые предрассудки и обычаи будут отменены, и что справедливость, равная для всех, будет главным принципом его деятельности. После этого он заявил, что примет командование войском, предназначенным для борьбы с токугавцами.

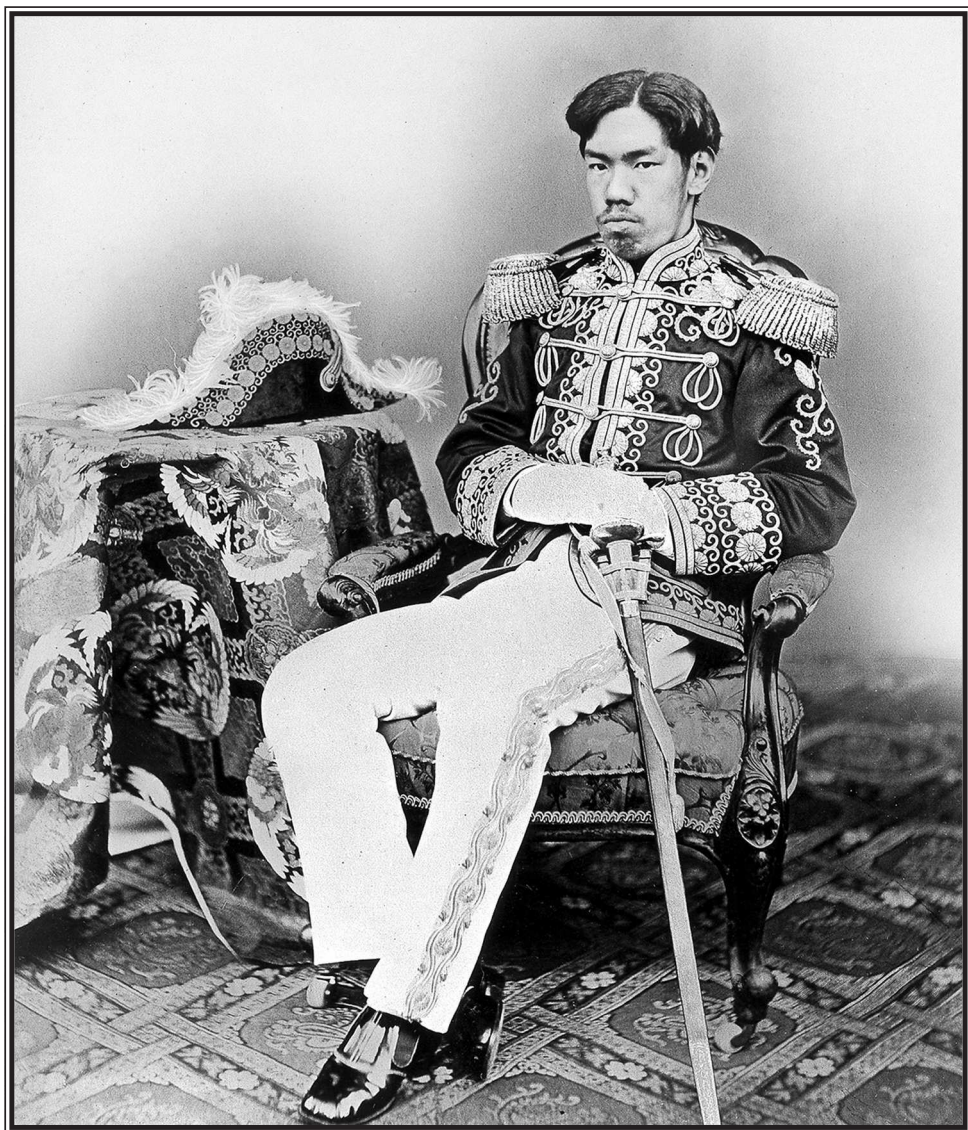
Бывший сёгун, считая сопротивление уже бесполезным и не желая, по японскому обычаю, совершить сэппуку (харакири), поселился в Уэно, в маленькой келье при одном из храмов, около которого были гробницы прежних сёгунов.

Сторонники сёгунской власти, все его вассалы и самураи не хотели сдаться без боя, но это сопротивление не привело ни к чему, и 14 апреля 1868 г. императорское войско под предводительством князя Арисугавы-но-мия заняло столицу сёгунов — Иеддо, получившую отныне название Токио, т. е. восточной столицы.

Знамя восстания было поднято на севере сэндайским и айдзуским даймё. Но к концу октября 1868 г. восстание приверженцев Токугавы было подавлено везде. Только один Эномото**, захватив часть сёгунских судов, двинулся с ними на север и занял Хакодате и несколько пунктов на острове Иессо. За этим последовало провозглашение республики на Иессо. Генерал-губернатором был избран Эномото. Эфемерная республика просуществовала недолго (до 1869 г.). Сам Эномото

* Окубо Тосимити (1830—1878) — один из трех лидеров Реставрации 1868 г., советник императора (1870—1878), министр финансов (1871), министр внутренних дел (1873—1874). Убит группой самураев, недовольных его манипулированием императором и кумовством в кадровой политике.

** Эномото Такэаки (1836—1908), верный правительству сёгуната Токугава в гражданской войне 1868—1869 гг. («войне Босин»), после поражения бежал на о. Хоккайдо и основал первую в современной истории Азии Республику Эдзо, став в 1868 г. ее президентом. На следующий год императорские войска вторглись на Хоккайдо, республика пала. Эномото был захвачен в плен и осужден по обвинению в государственной измене. В 1872 г. был помилован и поступил на службу правительства Мэйдзи. Впоследствии был послом Японии в России и возглавлял военно-морское министерство.

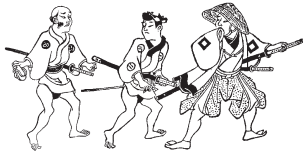
*Учида Куити. Император Мэйдзи, 122-й император Японии.
Фотография. 1873 г.*

должен был по японскому обычаю покончить самоубийством, но благодаря заступничеству Куроды* он был помилован. Несколько лет спустя он был назначен посланником в Россию, где заключил трактат об уступке Сахалина России взамен Курильских островов.

В Японии водворился мир, и новое царствование, по примеру прежних лет, получило название Мэйдзи («блестящее царствование»).

Двор, требовавший так энергично удаления иностранцев, первым делом изменил своей программе и заключил трактаты с иностранными державами. С этого момента Япония вступила на путь реформ и переделки своих учреждений на европейский лад.

* Впоследствии премьер. (Примеч. Де-Воллана.)

ИМПЕРАТОР МУЦУХИТО СОЗЫВАЕТ ПАРЛАМЕНТ.— РЕФОРМЫ.— ПОБОРНИКИ СТАРИНЫ.— САЦУМСКОЕ ВОССТАНИЕ

18 апреля 1869 г. было созвано нечто вроде парламента, состоявшего из 276 членов, большей частью феодалов и самураев*. В этом собрании, имевшем вообще совещательный характер, не было представителей городов и земледельческого сословия. Большинство принадлежало к консервативной партии. Так, например, собрание не пожелало отменить японский обычай характеры и отличалось несочувствием к христианству. Стародавняя Япония все-таки заявила о себе. Когда император 18 апреля хотел отправиться из Киото в Токио, то его телохранители, преградив ему путь, умоляли его не покидать священной столицы, не осквернять себя сношениями с иностранцами. Убедившись в том, что император их не послушается, они решились сопровождать его до самого Токио. Так как их было около 2000 человек, то волей-неволей пришлось согласиться с ними.

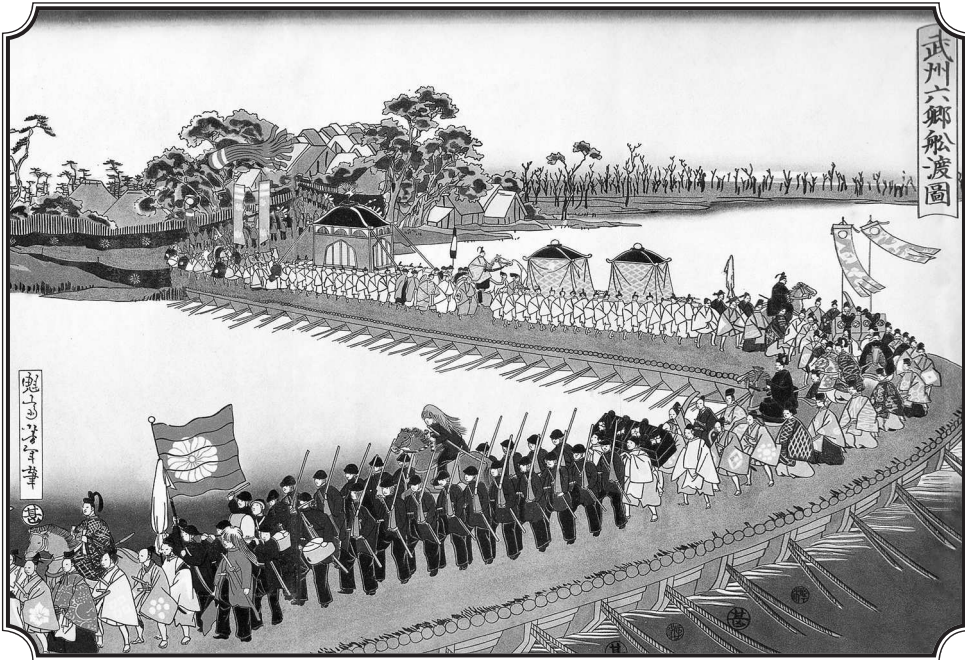
В истории каждого народа бывают моменты, когда целый класс великодушно отказывается от своих прав и привилегий. Движение исходит от просвещенного меньшинства, а большинство, даже если оно не сочувствует этой мере, охваченное всеобщим потоком, идет дальше, чем оно предполагало. Так было и с Японией, когда Кидо** составил свой знаменитый мемориал, подписанный тремя владельческими князьями (Сацума, Нагато, Тоса), в котором последние отказались в пользу императора от своих феодальных прав. За ними, с охотой или поневоле, последовали другие даймё, и феодализм, просуществовав столетия, вдруг рухнул навеки.

Быстрота этой реформы объясняется как духом времени, так и положением, в котором находились большей частью феодальные владельцы. Не надо забывать, что большинство феодалов воспитывалось и раньше под исключительным присмотром женщин. Неспособные к труду и деятельности, они, даже и по достижении совершеннолетия, отдавали все свое время удовольствиям и безделью. Окруженные красивыми женами и наложницами, они наслаждались музыкой, пением и танцами и имели все, что желали. Такими же изнеженными и неспособными к делам они были, когда их застигла реформа.

Правительство, приняв жертву феодалов, в виде временной меры назначило бывших феодальных владельцев губернаторами провинций, но это продолжалось недолго и родовитые губернаторы были вскоре заменены чиновниками, а провинции разделены на департаменты, или *кэны*. Феодальные владельцы, правда, получили денежное вознаграждение, равнявшееся одной десятой прежних доходов. Этого было совершенно достаточно потому, что прежние доходы уходили на содержание многочисленного штата оруженосцев, так же как и прислуги. Освобожденные от всяких забот, обязанностей, феодалы получали все-таки довольно значительные доходы, позволявшие им жить припеваючи.

* Собрание это просуществовало недолго. Государственный совет (Дайдзёкан) был изменен в Совет министров (Сэйин) и при нем был департамент (Саин), в котором обсуждались разные государственные вопросы. Члены этой говорильни были назначаемы императором. Впоследствии департамент был упразднен и заменен в 1875 г. сенатом (Гэнроином). (Примеч. Де-Воллана.)

** Кидо Такаёси (Кидо Коин; 1833—1877) — один из «трех великих героев» Реставрации Мэйдзи. (Предложенное в 1952 г. японским историком Токутоми Сохо определение включает Кидо Такаёси, Сайго Такамори и Окубо Тосимити.) Инициатор земельной и административной реформы. Вице-посол японской правительственной миссии Ивакуры Томоми (1871—1873), посетившей Россию, Америку и Европу для изучения западного опыта. Министр культуры и внутренних дел (1874). Выступал против завоевания Кореи (1873) и Тайваня (1874).

Цукиока Ёситоси. Император Мэйдзи со свитой 2800 человек покидает Киото и переезжает в Токио в октябре первого года эпохи Мэйдзи.

С цветной гравюры. 1868 г.

До реформы японское дворянство разделялось на два класса: кугэ и даймё. Кугэ, родственники императорского дома, знатностью превосходили даймё, но были гораздо беднее их. О разделении класса даймё мы уже знаем. Некоторые из этих даймё, как Сацумский, Нагато, Овари, Кага, держали значительное войско и владели обширными провинциями. С новым режимом они потеряли свои права и привилегии. Даймё и кугэ слились в один класс кадзоку («благородные семейства»). Впоследствии, в подражание Европе, руководители Японии придумали дворянству (кадзоку) японские титулы, соответствующие европейским (герцог, маркиз, граф, виконт, барон). Титул переходит к старшему в роде. Для вступления в брак требуется разрешение императора. Также ограничено право усыновления, которым японцы вообще широко пользуются. Пэры, говорилось в рескрипте, должны позаботиться о приличном воспитании своих детей. Герцогский титул принадлежит представителям домов Токугавы, сацумскому князю, дяде его Симадзу Сабуро и князю Нагато. Из 24 маркизов были и незнатные люди (Кидо, Окубо, Накаяма, Тадаёси). Графами были назначены все министры: Ито, Иноуэ*, Сайго и т. д. Графский титул получили 60 лиц из старинного дворянства и 14 человек, оказавших большие услуги при Реставрации. Кроме того, было создано 312 виконтов и 69 баронов.

Денежное вознаграждение, выданное бывшим феодалам, титулы и ордена, которые сыпались на них щедрой рукой, могли примирить их с новым режимом. Не так было с самураями (сидзоку**), которые получили тоже денежное вознагра-

* *Иноуэ Каору* (1836—1915) — министр иностранных дел (1885—1887), внутренних дел (1892—1894), финансов (1898). Начиная карьеру как политический экстремист, участник нападения на британское посольство в Эдо (1862), но после стажировки в Англии стал не менее фанатичным вестернизатором.

** *Сидзоку* — существовавшее в 1869—1947 гг. сословие нетитулованной знати, сформированное из средних и мелких самураев.

**Такамура Коун. Статуя Сайго Такамори
в парке Уэно в Токио.
1898 г.**

Сайго Такамори (1827/1828—1877) — один из «трех великих героев» Реставрации Мэйдзи. Как сторонник императора в ходе свержения сёгуната Токугава вошел в первый состав правительства Мэйдзи, но затем ушел в оппозицию как противник вестернизации Японии.

В своем поместье, вместе с ближайшим своим помощником, он основал школу, в которой самураи обучались китайской литературе и военному ремеслу. Таким образом, под его руководством собралось около 30 000 вооруженных самураев. (*Примеч. Де-Воллана.*) В 1877 г. участвовал в Сацумском восстании, после поражения которого совершил сэппуку.

воспринимающее носить оружие. Исключение делалось только для лиц, принадлежащих к придворному, военному, морскому и полицейскому ведомству.

Императорский период, начавшийся так блистательно, омрачился несколькими кровавыми эпизодами, между которыми Сацумское восстание играет наиболее видную роль. Реформы шли так гладко, вся Япония, казалось, рукоплескала им, откуда же могло взяться недовольство и где же причины брожения? Недовольных все-таки было много. Прежде всего брожение началось среди людей, наиболее работавших для Реставрации, среди самураев Сацума, Хидзэна, Тосы, Тёсю. Среди не сочувствовавших новому режиму называли даже сацумского князя, который

гражданин, но далеко недостаточное для безбедного существования.

В 1871 г. самураям разрешено было ходить без оружия, и многие из них сохранили японский костюм, но надели европейские шляпы. В 1876 г. введен был по примеру англичан воскресный день, который в Японии считается неприступным. Благотельными последствиями терпимости воспользовались прежде всего христиане, испытавшие еще недавно столько бедствий и оставшиеся верными своей религии, несмотря на всякие притеснения. Миссионеры явились в страну в большом числе и начали действовать совершенно открыто.

В 1876 г. было издано постановление,

Цукиока Ёситоси. Самураи Сайго сражаются с императорской армией во время покорения Кагосимы в Сассю (Сацума).

С цветной гравюры. 1877 г.

при всяком удобном и неудобном случае подчеркивал свою привязанность к старине. Еще в 1870 г. он явился в Токио в старинном костюме, окруженный сотней кэраев, вооруженных двумя саблями.

Двор, однако, сумел ублажить будирующего* князя, дав ему высокий титул и назначив сацумцев в экспедицию против Формозы. Один из главных деятелей Реставрации, советник сацумского князя, Сайго Такамори, пользовался титулом главнокомандующего. Несмотря на это, в стране началось глухое брожение. Многочисленный класс самураев, оставшихся без занятий, без средств, требовал какой-нибудь деятельности, а за неимением ее бросился в политическую агитацию.

В это время произошли недоразумения с Кореей. Последняя презрительно отнеслась к своей соседке, нарядившейся, по ее мнению, в шутовской европейский костюм. Перспектива войны с Кореей улыбалась очень многим. Воинственное настроение, охватившее Японию, было на руку разным честолюбцам и беспокойным людям. Но в совете министров партия мира одержала верх, и недовольный этим Сайго Такамори удалился в свои поместья.

Вслед за этим начались беспорядки в Саге (Хидзэне) и изгнание иностранцев было лозунгом недовольных. В 1876 г. началось восстание в Тёсю. И там революционеры требовали изгнания иностранцев. В прокламации было высказано сожаление о том, что самураям запрещали носить оружие.

* Будирующий — здесь: недовольный (новшествами) и возбуждающий недовольство в других.